

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Ā vs. Drugoj v usloviâh politiĉeskogo kontrvzanimodejstviâ

Author: Pëtr Červinskij

Citation style: Červinskij Pëtr. (2019). Ā vs. Drugoj v usloviâh politiĉeskogo kontrvzanimodejstviâ. W: P. Czerwiński, A. Banaszek-Szapowałowa, M. Walczak (aut.), "Kim Ty Jesteś? : ja kontra Adwersarz w polskiej debacie przedwyborczej : język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii" (S. 109-172). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Пётр Червинский

Я vs. Другой в условиях политического контрвзаимодействия

Поскольку предметом нашего общего аналитического рассмотрения был конкретный и при этом единый аудиовизуальным образом себя проявляющий материал, то на этом материале видится необходимым сконцентрировать все возможные рассуждения. В связи с чем из большого количества поворотов, вероятных для обозначенной в данном разделе темы, показательным полагался бы тот, который через взаимное отношение двух активных участников проводимых дебатов будет показывать их представление о себе и о своем собеседнике (хотя собеседником его было бы трудно назвать, пусть это будет второй соучастник). Представление, отображаемое как эксплицитно, нередко при этом открытым текстом, т.е. непосредственно, прямо в глаза, так и имплицитно, через укрытый, в том числе и подразумеваемый, подтекст. Хотя этого не проговариваемого, не до конца проговариваемого, подтекста, так бы виделось более сообразным это назвать, увиделось не так много, что можно считать не случайным и в типологическом отношении показательным.

Касаясь вопроса подтекста, коль скоро зашла о нем речь, скорее, в анализируемом материале можно было бы усмотреть (как, впрочем, едва ли не во всяком другом) подтекст не столько подразумеваемый, сколько не вполне осознаваемый, выходящий наружу в недоговоренностях, проговаривании (но не оговорках), эмоциональном заряде, а также, что видится более очевидным и несомненным, хотя это не было бы предметом данного рассмотрения, в проявлении, себя обнаруживающем визуально. Иными словами, в позах, взглядах, мимике, жестах, выражении лица (что отнюдь не равняется мимике), а также способе или характере, что видится более точным определением, занимаемой позиции в кресле во время

дебатов. Позиции как основной и позиций, от нее производных, аспектуальных, либо позиций, каким-то образом обусловленных, ответных и реагирующих. В ряду этих других можно было бы выделить позиции подключенные и игнорирующие, понимая под этим как активно участвующие, возможно при этом, спонтанные, так и намеренного отключения, дистанцирования, отделения себя от высказываемого в данный момент, изолирования, с внешним не проявлением какого-либо ясного отношения. Хотя точнее было бы говорить о выражении отношения неприятия производимого, не признавания его за собой, что в ряде случаев могло бы равняться заявлению о полной неправде и несоответствии действительному положению вещей.

Затронутая проблема занимаемой позиции в кресле, сопровождаемой ведущей либо сменяемой позой с соответствующим выражением лица, как передаваемое при этом отношение к соучастнику, а также к тому, что он в данный момент говорит, либо не передаваемое, но себя объявляющее, — эта проблема, не бывшая в поле внимания при изучении материала, вместе с тем не могла, себя обнаружив, не проявить. Во-первых, в силу своей бросающейся в глаза, а потому, может быть, не скрываемой, т.е. намеренной, либо плохо скрываемой, не намеренной, очевидности. А во-вторых, потому, что наглядным образом и постоянно, на протяжении проводимых дебатов, указанная позиция, дополняемая в позах и выражениях лица, довольно прозрачно и несомненно себя сочетала с высказываемым, с тем, что себя объявляло вербально. И это также можно считать в типологическом отношении показательным.

Если уместным было бы уподобить предвыборные дебаты двух конкурирующих в открытом столкновении перед реагирующей и наблюдающей публикой претендентов средневековому рыцарскому турниру, а мало что мешает их не уподобить по духу и существу, то, видимо, вряд ли целесообразным было бы подходить к ним с меркой политической предосторожности и дипломатической *politesse*. Не то, чтобы всякие и всевозможные меры и средства в подобной борьбе были бы допустимы и хороши, но каждый из соучастников не видит разумным скрывать такого к сопернику и его словам отношения, которое позволит его одолеть. Равно как не видит столь же разумным и имеющим смысл не раскрыть, по возможности в наиболее выигрышном свете, противоположного по сравнению с другим соучастником, представления о себе. Понятно, что отношение к другому должно получиться и выложиться в результате, если так сразу и прямо не как негативное, то как недостойное или мало достойное, в любом случае менее достойное, по сравнению с представлением им себя. В то время как себя самого, наоборот и напротив, как позитивное и по отношению к позиции, на которую оба по выборам претендуют, как нельзя более соответствующее.

Задачей, тем самым, становится претендующего конкурента спихнуть, с тем, чтобы самому на его фоне и за его счет продвигнуться в рейтинге, точнее в ощущениях и представлениях избирателей. Речь, получается, следует неизбежно вести о подавлении и доминировании. Доминировании, со всей неизбежностью, одного за счет другого. Доминировании, в первую очередь и в основном, в представлении и в глазах, на глазах, еще одного и третьего соучастника, адресата, т.е. присутствующей и следящей у телеэкранов публики, а также, что не менее важно, в глазах и представлении самого себя. И менее важно, а часто и без значения, насколько в глазах и представлении своего соперника, который, если даже и остается уверен в своем успехе и своей победе, может оставаться в таком его утешающем самообманчивом заблуждении. Тем с большей силой постигнет его после выборов разочарование, и это будет еще одним показателем достигнутого в результате дебатов выигрыша.

Каким-то таким приблизительным образом можно было бы обозначить сопровождающие, по-своему психологические, а потому мотивирующие и направляющие, внешне себя объявляющие, не скрываемые, но все-таки внутренние, механизмы реализуемого аудиовизуальным образом текста. Политического по задуманному и предписываемому, закладываемому в него, содержанию, но не исключительно существу. Ибо особенностью подобного рода производимых перед ожидаемыми выборами дебатов является, едва ли не в первую очередь, личностный, а потому человеческий, а с этим психологический и психический, индивидуальный, морально-нравственный, поведенческий и с этим умственный фактор. Претендент, долженствуя себя проявить как более достойный и выбираемой общественной и политической позиции более соответствующий, обязан и вынужден это сделать, продемонстрировав, при этом правдиво и убедительно, себя с самых разных сторон.

Понравиться самым разным по своим убеждениям и предпочтениям избирателям, по мере и в силу возможности даже тем, кому он не может, по причинам тех или иных своих индивидуальных и личностных качеств, понравиться. Сделать вместе с тем и одновременно так, чтобы сидящие и присутствующие в нем убедились, ему поверили и, поверив, почувствовали, что то, что можно и следует от него ожидать, соответствует и созвучно их собственным ожиданиям. Иными словами, что он не только надежный и предсказуемый кандидат, но и близкий им по намерениям, предлагаемым целям, а тем самым, по духу. И сделать все это следует так, поскольку в дебатах все это происходит в сопоставлении, чтобы тот сидящий рядом с ним и напротив другой, все то же и в тех же самых с ним общих пунктах в глазах третьих лиц-соучастников потерял.

В связи с чем, говоря о подобного рода дебатах, необходимым становится устанавливать отношения личного свойства, с одной стороны, с другой,

в свою очередь, те отношения, которые, связывая каждого из кандидатов с им представляемой программой, подводят его к представительству партии, группы, движения и с этим всем отстаиваемой идеологии. Получая программное и идеологическое проявления, или проекции, говоримого и представляемого, в аспекте общественно-политической репрезентации выступающего, в аспекте репрезентации индивидуально-личностной следовало бы говорить, в разделяемом сочетании, о морально-нравственном, с одной стороны, и социальном, может, точнее было бы определять это как социализируемое, его воплощении.

То и другое могут нередко пересекаться, предоставляя возможность, с одной стороны, судить об органичности, целостности и соответствии кандидата как личности своим общественно-политическим взглядам, программным установлениям и излагаемым принципам в отношении так, а не иначе видимого им государственного устройства. С другой, в свою очередь, обнаруживать в этом всем определенным образом организующий, мотивирующий и поддерживающий нравственный императив, показывая, что моральные, в том числе человеческие, критерии и установки, основанные на сочувствии и понимании нужд и потребностей обыкновенных людей, ему далеко не чужды.

Из чего будет следовать закладываемое, так или иначе, каждым из кандидатов-участников, четко ориентированное убеждение в том, что власть, поскольку при определении политики и действий политиков неизменно речь идет о борьбе за власть и удержании власти¹, что эта власть, к которой он неизбежно стремится и ради которой все затекает, в том числе и участвует в проводимых дебатах, нужна ему не ради собственного благополучия и получения всевозможных благ, но ради каких-либо высших целей. Этими целями должны быть, по общему и сложившемуся у всех представлению, такое общественное и государственное устройство, которое будет способствовать благополучию всех без исключения граждан.

¹ Согласно замечанию Т.А. Дедушкиной, «...большинство исследователей, занимающихся проблемой политического дискурса, едины в том, что основной целью ... предопределяющей его использование в качестве инструмента политической власти, является борьба за власть». (Т.А. Дедушкина: *Жанровое пространство политического дискурса*. „Studia Linguistica”. Выпуск 5/2011, с. 473). В целом ряде политологических пособий и словарей политика определяется, прежде всего, именно с этих позиций. Ср. для примера: «Политика – область социальной жизни, связанная с руководством обществом и борьбой за политическую власть» (Г.И. Марченко, И.А. Носков: *Имидж в политике*. Москва 1997, с. 194); «...деятельность в сфере отношений между социальными группами, политическими партиями, нациями и государствами, связанная с завоеванием, удержанием и организацией политико-государственной власти.» (*Политико-терминологический словарь*. В: <http://politike.ru/slovari/politiko-terminologicheskii-slovar.html> [дата обращения: 13.10.2017]).

В сказанном заключается, но не парадокс, а все то же сложившееся общее представление, через которое крайне не просто, если стараться делать это разумно и убедительно, через которое очень сложно бывает перешагнуть и не учитывать которое было бы крупной ошибкой. Это сложившееся общее представление вступает в противоречие с тем, что приходится делать и говорить. Противоречие это заряжено недоверием и неверием. Слушатель изначально, даже если и изображает или находится в состоянии склонности слышать и доверять, поддаваясь соблазну публичного и к тому же умелого аудиовизуального действия со стороны выступающего, внутренне знает свое. Что политика – дело грязное, что политики лгут, что ни о каком народном благе и государственном интересе не думают, а только рвутся, оплевывая и топча по дороге друг к друга, к источнику привилегий и, в первую очередь, материальных благ. С тем чтобы обеспечить себя, а попутно и неизменно свою семью, а также близких и дальних родственников, приятелей и знакомых, включая туда же и прихлебателей, как необходимых и нужных людей.

Дело в политике, получается, что идет, даже не столько о том, чтобы выйти наверх самому, но чтобы потянуть и притянуть за собой весь свой клан, потому что одному в политике не удержаться и, следовательно, не жить. И выдвигая и вынося наверх всю свою группу и личную свиту, т.е. все свое окружение, делает это политик за счет всех остальных, реальных и потенциальных соперников, в первую очередь, граждан и общества и с ним государственных интересов, во вторую.

Отмеченное устойчивое социальное представление (чтобы не использовать требующего дополнительных пояснений и комментариев термина *стереотип*²), неизбежно вступая в противоречие с тем, что и как участник

² Существующая довольно обширная литература о стереотипах, хотя в ряде положений и пунктов определяет их неоднозначно, в целом сходится в том, что стереотип, будучи устойчивой и упрощенной формой отображения действительности, представляет собой готовую схему ее восприятия, нередко заряженную определенной оценкой. Ср. также определение В.А. Рыжковым стереотипа как коммуникативной единицы, наделенной способностью «посредством актуальной репрезентации социально санкционированных потребностей оказывать ... воздействие на сознание личности ... формируя в нем соответствующие мотивации». (В.А. Рыжков: *Регулятивная функция стереотипов*. В: *Знаковые проблемы письменной коммуникации*. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев 1985, с. 15–16). Или В.В. Красных, который под стереотипом предлагает понимать «некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации ... «вообще». (В.В. Красных: *Стереотипы (определение понятия, классификация, функционирование)*. В: В.В. Красных: *«Свой» среди чужих: миф или реальность*. Москва 2003, с. 232) См. также такие работы: К.В. Судаков: *Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности*. Москва 2002; Ю.Е. Прохоров: *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва 2008 и др. Там же дается литература предмета.

(предвыборных, в первую очередь, выступлений, поскольку от этого будет зависеть успех) намеревается заявить и потом заявляет, не может им не учитывать и не приниматься в расчет.

По этим причинам его основная задача должна состоять в апелляции к оптативу, к тому, какой политика должна быть (но при этом не есть, однако об этом он может не заявлять, не касаясь большого вопроса). Какой она существует в сознании как недостигнутый, изначально к этому обращенный, общественный идеал. Апелляцией к этому оптативу он, в меру возможностей, будет стремиться заслонить реальную повседневность политики, предотвращая, тем самым, одновременно способность его к повседневности этой и с этим указанному социальному представлению о политике подвести, обвинив его в том же самом. Апелляция эта может быть как прямой, непосредственно объявляемой и явной, так и следующей, выводимой логически, из того, что и как он в тот или иной момент своего выступления говорит.

С другой стороны, указанное устойчивое о политике и политиках не похвальное представление он может использовать и часто использует как орудие и как средство, направляемое в адрес соперника, с тем чтобы его подавить и, в конце концов, одолеть, если морально и политически не уничтожить, исключив как возможного конкурента. Пользуясь обозначенным в самом начале сопоставлением предвыборных дебатов с турниром, апеллируемый политический оптатив можно было бы, развивая все тот же образ, уподобить коню и доспехам, как тому, на чем выступающий «едет» и что его защищает. И от ударов противника, и от возможных упреков в корыстолюбии, личной заинтересованности, и от недоверия. В свою очередь, имеющийся в отношении политики и политиков концептуальный общественный негатив, о котором перед тем говорилось, будет использоваться, фигурируя в том же уподоблении, в роли копыя, последовательными и неоднократными ударами которого ставится и, по возможности, достигается очевидная цель выбить соперника из седла. Повалить его в его тяжелых доспехах на землю, так, чтобы не мог он подняться и встать, сам, без помощи в последующем подходящего окружения. Однако это уже «пейзаж после битвы» и спасательные, выручающие действия после одержанной на глазах у смотривших победы.

Тем самым, взаимодействующих в предвыборных, производимых на глазах «всей общественности», турнирных дебатах компонентов получается, по крайней мере и пока что, пять. Ими будут 1) указанное социальное негативное представление о том, что такое на самом деле политика и чего политики в действительности, а не по своим заявлениям, хотят; 2) апеллятивный политический оптатив, позитивный и обнадеживающий по своему характеру и изначальной природе; 3) выступающий, но не только в данном месте в данный момент,

а на протяжении всего проводимого разговора, который по внешнему виду представляет собой диалог (вопросы ведущего и ответы на них, обмен репликами со вторым кандидатом), на самом же деле имеет многоплановую структуру (обращение к сидящим в зале, к широкой публике у экранов, комментарии к репликам, вопросы и обращения к ведущему); 4) соперник, который также и одновременно является выступающим, с теми же правами, возможностями и полномочиями, т.е. на равных правах, в связи с чем выступающий и соперник – это каждый раз роли двух конкурирующих соучастников; 5) аудитория, состоящая из двух далеко не равных частей – присутствующих и находящихся в зале, способных подавать короткие реплики и реагировать выкриками или гулом, как одобрения, так и нет, и не присутствующих, наблюдающих за дебатами у телеэкранов, лишенных возможности к соучастию, но от которых, на деле и в результате, зависит дальнейший успех, а тем самым, тех, ради которых и во имя которых дебаты организуются и проводятся.

И есть, безусловно, еще один, хоть и важный и по виду активный и управляющий, компонент, но на деле на существо всего происходящего не влияющий, а потому и не учитываемый в организуемом пятикомпонентном устройстве. Речь идет о ведущем, который сменяется, может сменяться в зависимости от темы, задача которого задавать подготовленные заранее вопросы, следить за положенным временем, организовывать ход дебатов и его направлять, представляя, в том числе, слово то одному, то другому участнику, а также его останавливать и прерывать при условии нарушения им отведенного временного лимита. Роль его, кроме этого, сводится также к тому, чтобы быть беспристрастно нейтральным, не оценивать, не комментировать никого из активных участников, предоставляя каждому из двоих равные возможности и одинаковые права.

Прежде чем отобразить места и позиционные роли пяти указанных компонентов в какой-то их объединяющей общей структуре, с тем чтобы на этой основе в последующем показать, как могут, взаимодействуя, эти пять компонентов в ходе дебатов себя проявлять и, что самое главное, каждым из двух конкурирующих участников при этом пользоваться и учитываться, видится необходимым обратиться к вопросу о названном во втором пункте политическом оптативе. Другими словами, порассуждать на тему, что такое в своем идеале политика, чему она призвана, в определенном смысле также и изначально, служить, но при этом не служит. Как правило и обычно, необходимо все же добавить, дабы не удариться в не допускающее исключения обобщение, но не об исключениях в данном случае речь.

Политика, др.-гр. ἡ πολιτική ‘государственная наука, искусство управлять государством, политика’, а также (о людях) ‘способный к управлению государством, к занятию общественными делами, вооб.[ще] занимающийся

государственными делами', τὰ πολιτικά 'государственные, общественные дела, 'принадлежащий гражданам, гражданский'; πολιτικός 'касающийся государства, государственный, общественный, политический', πολίτης 'гражданин, согражданин', πόλις 'город'; иногда в значении: 'родной город, главный город (напр., у Атиков Афины)'; или 'главная часть города, Акрополь'; 'совокупность всех граждан'; 'государство'; ос.[обенно] 'свободное государство, республика'; τὰ τῆς πόλεως 'государственные или общественные дела'. И к этому также ἡ πολιτεία 'гражданство, права гражданства'; 'управление государством, ос.[обенно] способ управления государством, политика'; 'государственное устройство, форма правления; ос.[обенно] демократия, республика'; 'вооб.[ще] государство'; πολιτεύω 'быть гражданином; управлять государством или общественными делами'; τὰ πεπολιτευμένα 'общественные дела, политическая деятельность'; οἱ πολιτευόμενοι 'занимающиеся общественными делами, управляющие государством, государственные деятели (у Афинян ос.[обенно] ораторы)'³.

Как можно заключить из всех этих значений, складывающееся в Древней Греции, в Афинах в первую очередь, а потому и первоначальное, представление о политике и политических деятелях предполагает а) тесную связь политической и общественной деятельности, нередко с неразграничением, а иногда и с предпочтением второй; б) гражданский и гражданственный характер производимой государственными мужами деятельности; в) не менее тесную связь совокупности граждан и города-государства, понимаемого, в первую очередь, как общественное устройство свободное, республиканское и демократическое; г) занимающиеся общественными делами, управители государства – это также ораторы, иногда предпочтительно. И, наконец, политика – это не просто и не только общественная или государственная деятельность, но, в первую очередь, наука и искусство управления государством. По словам Отто Бисмарка, искусство возможного⁴.

Если к этому также добавить, что гражданами считались в Греции только свободные люди, а потому и обладающие, в том числе и имущественными, правами, а общественным и политическим деятелем становил-

³ А.Д. Вейсман: *Греческо-русский словарь*. Москва 1991, репринт V-го издания 1899 г., с. 1023, 1022.

⁴ Согласно *Энциклопедическому словарю крылатых слов и выражений*. (Автор-составитель Вадим Серов. Москва 2003), было высказано им в интервью «Петербургской газете» (август, 1867): «В оригинале: Политика есть учение о возможном. Потом «учение» превратилась в «искусство», и в таком виде фраза стала широко известной. Смысл выражения: политика (если это эффективная политика) имеет дело только с реальностью, с достижимыми целями, а всё то, что лежит за гранью возможного (реального), – это не политика, это благие пожелания, пустые декларации и т.д.» (<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/> [дата обращения: 13.10.2017]).

ся тот, кто вкладывал, не получал (речь идет о финансах), что общество города-полиса состояло из равноправных, по крайней мере, формально, сограждан, формирующих определенным образом организуемое множество, наиболее ярко себя объявлявшее в голосованиях, что представление о гражданственности соотносилось с понятием о своем и родном, а также ведущем и главном, центральном и верхнем (Афины, Акрополь), независимо от того, была ли то аристократическая или демократическая республика, – то возникает и складывается тот изначально заложенный в идею политики образ, на основе которого можно далее, уточняя и развивая, говорить о затронутом ранее политическом оптативе.

Согласно этому, общеизвестному, также как и негатив, оптативному представлению, политика – это не деньги и власть либо в обратном порядке, власть, а с ней деньги, но посвящение себя общественной деятельности с видами на очевидное благо. Это жертвования и бескорыстное в своих идеалах служение всем остальным представителям общества, в котором политик находится, желательно вырос в нем, им воспитывался, родился, живет, которое ему поэтому близко, будучи своим и родным, которое он знает и понимает в его мотивациях, устремлениях, надеждах, желаниях, изнутри. Политик, тем самым, есть *партиципирующий репрезентант*, добровольно берущий на свои плечи ответственность за общество в целом, как ведущий и как заботящийся. Так должно быть, но так не есть, и поэтому это модальность желательности и, следовательно, оптатив.

Каждый, кто занимается активно политикой, должен подобное представлять и строить, особенно перед выборами, свои высказывания и предлагаемые планы на будущее, не говоря о программе, с учетом того, что желательно и как должно быть.

Но не только на этом он будет основывать свое выступление. Оно предполагает также как то, что есть, то, с одной стороны, какой являет себя настоящая ситуация, так и то, что, с другой стороны, привычно думают о политике и политиках люди, особенно и в первую очередь, в условиях, когда ситуация эта неблагоприятна и от положительного о ней представления весьма далека.

Обращение, главным образом апеллятивное и семантическое, между желательным позитивом и существующим негативом, способное принимать различные виды и формы, в зависимости от сложившейся ситуации, имеющегося положения, а также умения и установок политика-претендента, подобное обращение неизменно будет себя отражать в его предвыборном выступлении. При этом возможны различные распределения. Позитивное находит свое отражение в предлагаемой программе, с опорой на мысль «так будет, должно быть, и я это представляю». Представляю, исходя из того, что имеется, из существующего положения вещей, из

того, что, в моей оценке, выглядит как негативное, требуя изменений и исправления.

Из чего получается, что за всем этим, точнее над всем этим и подо всем этим, стоит еще один важный, едва ли не определяющий, компонент – существующее общественное состояние как сложившееся положение вещей, имеющее свои причины, мотивы и предпосылки, сводящиеся, в конечном итоге, к тому, что было не сделано, не так сделано, плохо сделано или даже испорчено и искажено в предшествующие данному состоянию периоды. Кем-то, какими-то группами, партиями, если это группы и партии, к которым говорящий не принадлежит и себя с ними не соотносит, возможно, против них выступает. Либо в результате ошибок, непонимания, неспособности, отсутствия времени, необходимого опыта и т.п., при условии, что это группы и партии, если не прямо свои, то такие, против которых его выступление не направлено.

В отношении этого объединяющего и всё охватывающего, включающего в себя компонента политик должен, во имя успеха, себя проявить хорошо ориентирующимся, осведомленным и вместе с тем понимающим, способным войти в положение обыкновенных сограждан, своих избирателей. Показать, с одной стороны, что он такой же, как и они, что он один из них, т.е. партиципирующий репрезентант того же самого общества. А с другой, что он знает и понимает также и нечто большее, то, что можно и нужно сделать, и как должно быть. И не просто знает и понимает, но и видит, как это можно достичь, и не только видит, но и берется за эту задачу, поскольку умеет, обладает необходимыми для этого данными и способностями.

Иными словами, он диспенсивно-партиципирующий репрезентант, т.е. способный к тому, чтобы, планируя и регулируя, распоряжаться, заведовать и управлять. Организовывать, направлять, давать указания и вести за собой остальных, в том числе, если не в первую очередь, группу тех, кто действует одновременно и вместе с ним, по отношению к которым он выступает в такой же роли – как представитель и соучастник, партиципирующий репрезентант, либо как организатор и руководитель, диспенсор⁵. Его позиция в этой группе, уподобляясь такой же позиции в обществе, становится ясной, прозрачной, воспринимаемой и позитивно оцениваемой.

Пять указанных компонентов, включая шестой, распадающийся на два – имеющееся положение вещей и предлагаемое, намечаемое, промиссивное, обещаемое, его состояние, можно представить в виде двух обращенных друг к другу кругов, каждый из элементов которого, косвенно

⁵ Лат. **dispenso**, **dispensātum** [*intens.* к *dispendo* 3) *поздн.* распределять, раздавать] 1) распределять, регулировать; 2) раздавать; 3) распоряжаться, управлять, заведовать.

или прямо, имплицитно и эксплицитно, будет находить свое отражение в предвыборных выступлениях кандидатов:

Существующее положение вещей	Предлагаемое измененное состояние
Говорящий	
Аудитория	
Соперник	
Негативное социальное представление о политике и политиках	Позитивный оптимизм представления о политиках и политике

Говорящий, отдавая себе отчет в представляемом многокомпонентном составе⁶, имея его в виду, в отношении существующего положения вещей должен проявить свои заряженные сочувствием знания и понимание. В отношении предлагаемых изменений – ясность, определенность, доступность, следование из существующего положения вещей, а также умение и способность к их достижению. Тем самым, предполагается, что это должна быть сознательная, открытая, концептуально-оценочная и сциентивная, по смыслу и духу, позиция.

Что касается нижнего этажа, то его далеко не всегда приходится и бывает необходимо прямо и непосредственно объявлять. Нередко этого делать даже не стоит, как в силу разного и не всегда однозначного отношения и понимания со стороны избирателей его левой и правой части. Так и в силу того, чтобы не предстать со своим таким выступлением в невыгодном свете, раскрывая то, о чем далеко не всегда привычно и принято говорить публично. Что составляет, в известном смысле, общенародное как *народное* достояние общества, сокровенное и наболевшее, его собственное и выстраданное, политикам противопоставляемое, против них и направленное, а тем самым, не ожидаемое к тому, чтобы слышать об этом от них. Нарушать это правило может тот, но при этом рискуя, кто открыто и явно идет как противник и ниспровергатель элит, как берущий на себя такую задачу представитель простого народа, а тем самым, и не политик, поскольку он таковым пока что не стал.

В условиях предвыборной схватки двух профессиональных политиков, а с ней мы имеем дело, то и другое, т.е. имеющееся в обществе негативное

⁶ Все компоненты показанного состава следует воспринимать как взаимосвязанные, соотносимые, способные переходить друг в друга и дополняться, как один другим, так и всеми оставшимися. В связи с чем не виделось смысла передавать это связующими прямыми линиями на схеме, их можно представить себе в голове.

представление о политике и противопоставляемый ему позитив того, чему политика и политики призваны себя посвящать, ради чего они избираются и чему должны неизменно служить, – в этих условиях то и другое необходимо учитывать и на это свое выступление опираться. Опирая на это свое выступление, более или менее умело говорящие отражают связанные с тем и другим, нередко эмоционально заряженные и оценочно сопровождаемые, смыслы, распределяя их между всем остальным. Преобразуя и подворачивая, часть из них, с негативом связанную, коррелирующую нередко с неудовлетворительным положением вещей, они будут относить к своему сопернику. Другую часть, также преобразуя и непосредственно часто не говоря, предоставляя оценивать и делать выводы слушателям, они относят к себе. Наиболее скрытую часть, как правило, основываемую на представлении «я знаю, что ты знаешь», относят к аудитории.

Что касается отношения негатива и позитива в представлениях о политике и политиках к существующему положению вещей и предлагаемому измененному состоянию, то, в зависимости от занимаемой позиции в существующей власти, то и другое получит разное воплощение. Имеющий власть и стремящийся ее удержать, реализовавший до этого свои планы и обещания, вполне понятно, будет обычно стремиться представить существующее на данный момент положение как свое достижение и позитив, с перспективой развития и поступательного движения его к предлагаемому состоянию, которое будет оцениваться им как продолжение начатого. Негатив же будет соотносить как с программой своего конкурента, подвергая сомнению осуществимость им предлагаемого либо его приемлемость, так и, что неизбежно, с ним самим, как не способным, не подходящим и недостойным. Из того и другого будет складываться, объявляемое часто открыто, представление и с этим позиция несоответствия конкурента.

В свою очередь, политик, на власть претендующий, негатив относить неизбежно начнет на счет существующего положения вещей как получившегося результата правлений соперника. В то время как позитив, помимо того, что насчет себя, в отношении к предлагаемому им измененному состоянию, предполагающему исправление осуществленных ошибок и искажений и преобразование на принципиально новой основе в лучшую сторону.

Тем самым, если для компонентов верхнего этажа позиция говорящего была охарактеризована как открыто-сознательная, концептуально-оценочная и сциентивная, то в отношении нижнего она такой уже не предстает. Это будет, скорее, позиция интенционально-мотивационная, часто скрытая, но направляющая, регулирующая и поддерживающая. Позиция внутреннего понимания и положения и, как таковая, используемая и себя объявляющая, в первую очередь, в том, что составляет, должно состав-

лять уверенный в себе стержень говорящего как политика и внешне проявляемое им решительное лицо того, кому можно и следует доверять. Поскольку он знает не только то, что имеется в обществе на данный момент и чего он сам хочет, но и что люди думают как о том, что плохого есть, так и о том, что должно быть, чтобы было лучше.

При условии необходимости склонить аудиторию присутствующих и находящихся перед экранами на свою сторону, заручась их поддержкой на будущее, политик как прямо, так и не прямо обращает не только свое выступление, но и вводимые дополнительно реплики, призывы и комментарии к ней. Аудитория выступает, тем самым, как его не прямой собеседник и адресат. Лишенный возможности вести с ней прямой диалог, обращаться к ней постоянно и непосредственно напрямую, говорит он ради нее. В центральной оси взаимодействующих в дебатах участников в показанной схеме аудитория занимает срединное положение и место. Срединное вместе с тем не означает центральное, но это и мост, и то «углубление», та емкость (обозначая это условно), та точка и пункт, к которым стекаются, направляясь, все токи и все движения производимого и приносимого в речи двух активно себя проявляющих соучастников.

В связи с чем правомерен вопрос, какую позицию может, должна занимать аудитория по отношению к говорящему, равно как и во всей представленной схеме, поскольку не может эта позиция быть равной ни верхнему, ни нижнему в своих проявлениях этажам. Не будет эта позиция концептуально-оценочной и сциентивной, в противном случае вызвав и неприятие, и отторжение, и негодование, и гнев. Аудитория не простила бы демонстрации знаний политику в отношении себя, с его к тому же оценкой и умением ее переделать. Не будет это также позиция интенционально-мотивационной и направляющей, а если внутренне будет, то умный политик не станет ее проявлять. Присутствующие и слушающие, зная, что они, а не их выбирают, и, следовательно, от них зависит желаемый политику результат, никак не склонны почувствовать, а тем более посчитать, что тот, кто перед ними в данный момент говорит, что-то там в отношении их себе скрытое думает, на что опирает свое выступление и из чего исходит, обращаясь фактически к ним. Это также вызвало бы с их стороны неприятие и отталкивание, вызываемое неприятными чувствами представления, что о тебе что-то знают, чем манипулируют, но при этом, поскольку манипулируют, не говорят.

Позиция говорящего, по крайней мере, демонстративно и внешне, должна опираться на совершенно иное. Собственно говоря, это и будет, поскольку должна быть, позиция представителя и соучастника, эмоционально к тому же заряженная, эмоциональность которой нередко себя обнаруживает в открытом и непосредственном обращении. Тем самым, ее можно было бы охарактеризовать как такую, о которой уже шла перед

этим речь в отношении говорящего как политика. Это будет позиция эмотивно-репрезентирующего и диспенсивно-партиципирующего проявления. Иными словами, таким и в такой своей роли себя объявляет он в отношении к аудитории.

Если все это перевести в плоскость психологического, со стороны говорящего, проявления, то задействуемый в предвыборных выступлениях, в данном случае в дебатах, политик обнаруживает, для верхнего этажа, ту часть себя как субъекта, которая превалирующим образом связывается с сознанием. Это знания, умения, осведомленность. В отношении аудитории и с ней себя самого ту, в первую очередь, часть, которая связывает его с эмоциональной сферой и одновременно проявляет ее. Это чувства, эмоции, умение переживать и сопереживать, т.е. способность и склонность к эмпатии и соучастию.

Что касается нижнего этажа, он будет затрагивать область не объявляемого как осознание скрытого знания как интуиции, умения правильно реагировать и ощущать. Это импульсы, подготовленность, мотивация к действию, понимание обстановки, умение охватывать внутренним взором сложившуюся ситуацию, имеющееся положение вещей, что даст возможность находить правильный выход из каждого, в первую очередь, сложного положения. Иными словами, это то, что в обыденном представлении определяют как нюх, чутье, прямым своим отношением связываемыми с предчувствием.

Хороший политик, тем самым, это не только толковая голова, не только тот, кто готов, переживая за общество, себя ему посвящать, но и при этом тот, кто умеет видеть, предвидеть и представлять наперед, что может выйти и что получится в каждом решительно важном случае.

И, наконец, еще один компонент – соперник. Кем и чем он может быть в разбираемой схеме? с одной стороны, он такой же, как и говорящий, к тому же равный с ним по условиям проводимых дебатов, претендент. С другой стороны, поскольку он соперник и конкурент, по отношению к говорящему выступает, неизменно должен выступать как собеседником, волей-неволей, так и одновременно объектом возможной критики.

При этом отношение к нему как собеседнику строится на таком основании, чтобы по мере возможности в беседе с ним постараться его, спровоцировав, вывести на чистую воду, разоблачить, показать его несостоятельность, неумелость, неискренность, неумение вести разговор и т.п. Иными словами, дискредитировать в глазах аудитории как потенциальных избирателей. При этом делать это необходимо в меру тактично, умело, не нарушая существующих правил и норм, для того чтобы в результате неверных шагов и промахов не потерять в диалоге подобного рода самому.

К этому необходимо добавить, что и сам такой диалог, и даже обычный обмен с соперником репликами в ходе дебатов, собственно, не пред-

усмотрен. Он возникает спонтанно, стихийно, вне задаваемых вопросов и ответов на них, а потому и может иметь непредсказуемый характер. Необходимы не только умение и важная в этом случае реактивность, но и известная осторожность, а также способность владеть собой, с тем чтобы сдерживаться, не все себе позволять и вовремя, когда необходимо и следует, остановиться.

С одной стороны, такое попутное подключение соперника к разговору, равно как и бросание реплик в момент его выступления многое может дать и сработать выигрышно, показав естественность, раскрепощенность, умение владеть собой, ориентированность, осведомленность, непосредственность, быстроту ума, яркость индивидуальности и остроумие. Одновременно с этим подобными средствами подавить собеседника, положительно выделиться на фоне его, иногда даже вывести его из себя, что позволит снять перед публикой маску и показать его действительное, а не представляемое им лицо, чем обнаружить ненатуральность, натянутость, а с этим неискренность, если не лживость и фальшь.

В то же время с другой, то же самое может привести и к обратному результату и быть далеко не на пользу, оказав затевавшему все эти так называемые вербальные жесты и действия (впрочем, не только вербальные) медвежью услугу. Из чего он выйдет, утратив и многое потеряв, даже то, что было достигнуто при развернутых на задаваемые вопросы ответах. Блеск и остроумие обернутся грубостью и неумением себя вести, спонтанность и непосредственность – импульсивностью и неконтролируемостью, естественность и раскрепощенность – наглостью и невоспитанностью, неспособностью сдерживаться, держать себя в руках, не поддаваясь взрывным эмоциям, осведомленность и ориентированность – зазнайством и самовлюбленностью, стремлением выставиться любой ценой и т.п.

Опасность подобного рода скрыто заложена, можно сказать, что в самих предвыборных столкновениях. Будучи свойственна всякой предвыборной кампании в целом, а тем самым, если не в первую очередь, также дебатам, она по природе своей дискурсивна, свойственна им и присуща как форме публичного проявления. Согласно общественным ожиданиям, а тем самым, сидящая и присутствующая в момент столкновения двух конкурентов публика также готова к тому, что, поведя себя несообразным и не соответствующим образом, показав себя с неодобрительной стороны, один (а может, и оба) из участников проводимого диалога споткнется, потеряет контроль над собой либо просто проявит себя не так, как следует, как хотел бы, чем покажет действительное свое лицо.

Опасность подобного саморазоблачения заложена также и в том, что было определено как негативное социальное представление о политике и политиках. Общество, по крайней мере Восточной Европы, а тем самым и в Польше, не любит своих политиков, да и не может любить.

Банальность, которая нередко обращает себя в желание, не всегда скромно себя объявляющее, увидеть публичное поражение политика, падение с набранной им высоты (чем выше взобрался, тем громче и ниже падать). Еще лучше, когда это производится им самим, когда он демонстрирует то, что обычно старается скрыть.

За всем этим, так или иначе, стоит все та же извечная истина и мораль «деньги и власть человека портят» (с расширением «абсолютная власть абсолютно») и сюда же «власть притягивает ни на что другое не годных и не способных людей, только такие к ней рвутся и лезут наверх», с неприличным определением к этому, что такое конкретно всплывает всегда наверх. К этому также стоит припомнить общеизвестное представление о том, что власть дает деньги и безнаказанность, что чем больше власти, тем больше денег и безнаказанности, а чем больше денег, тем больше их хочется. В результате разгорается аппетит, человек преступает предел, теряет контроль, чувство меры, становясь непредсказуемым часто в своей такого рода безудержи. Без руля и без ветрил и как саврасый без узды, согласно народной мудрости.

А если добавить к этому, что ответственность за судьбы других, согласно общему представлению, политиков не обязывает и не связывает, что эта ответственность интерпретируется ими как привилегии и неограниченные возможности действовать, не считаясь с другими, а тем самым, чувствовать себя в полном отрыве от них, от их повседневности и проблем, – то позиция такого человека-политика оказывается неизменно позицией обособленно-противопоставленного Другого по отношению ко всем остальным.

Отношение к такому Другому не может быть понимающим и милосердным (согласно общему, может быть, даже массовому о нем представлению). А потому в полемической, острой, критической и оценивающей, нередко прямо и резко оценивающей, схватке двух конкурентов, разоблачающее и саморазоблачающее поражение одного из них вполне ожидаемо, одобряемо и эмоционально приветствуемо. Вступая с соперником в не запланированный задаваемыми вопросами и ответами диалог, тот, кто его затевает, имеет дело, тем самым, с обоюдоострым оружием, которое при неверном маневре и действии направленным окажется на него самого.

Говоря о соперниках и их поединке как равного с равным, необходимо иметь в виду, что с их собственной точки зрения и позиции это отнюдь не выглядит так. Равенства в этом случае нет, да и трудно было бы его ожидать. Исходя из роли и смысла мероприятия, впрочем, нередко, если не как правило, далеко не только из них, каждый должен проявить себя с лучшей по сравнению с соперником стороны, показать, что его следует выбрать, поскольку он более достоин и то, с чем пришел и что предлагает,

несомненно, и выигрышнее, и надежнее, и вернее, и перспективнее того, с чем пришел и что показывает его конкурент.

С таким отношением и с такой установкой, что крайне важно, каждый приходит исходно, заранее, еще до дебатов, соответствующим образом подготавливая и настраивая себя. Для чего, и в разбираемом случае это так, обычно каждый участник более или менее основательно знает своего конкурента, его слабые и сильные стороны, приемы и методы, формы ведения диалога, умения, способности, политику, взгляды и предлагаемую им программу.

При том, что, как замечает Е.В. Кишина, «В политических дискурсах в качестве категоризирующего субъекта выступает статусно-ролевое **МЫ**, членившее мир на «свое» и «чужое» с социально-прагматических позиций»⁷, распределяя далее объекты реальности по этим двум признакам и относя к «чужим» политических оппонентов, противников, представителей иных социальных группировок⁸, – при этом всем проекция такого субъекта в дебатах может и часто имеет несколько измененный характер и вид.

Статусно-ролевое **МЫ** используется в качестве заместителя Я, оно же может также и не использоваться, отступая на задний план, оставляя открытое поля для Я, особенно в те моменты, когда говорящий намеренно занимается самопрезентацией. Но тогда, что нередко и неизменно, Я может оказываться и представлять в обобщенно-типологическом виде, как некий условно выписываемый, художественно-публицистический, индивид, своеобразный герой своего времени, временем выдвинутый и временем выбранный, наделяемый к тому же необходимыми, одобряемыми социально чертами. Но при этом так представляемый субъект не будет подобен и равен статусно-ролевому **МЫ**, о котором шла речь, хотя будет с ним связан, выступая нередко в диспенсивно-репрезентирующей роли, если не явной, то не скрываемой, по отношению к этому самому **МЫ**.

Подразделение мира на «свое» и «чужое» в дебатах может, но не всегда обязательно будет, себя проявлять как деление явное. К группе «чужого», хотя точнее было бы говорить в этом случае «не своего», относилось бы то, что вполне понятно и объяснимо, что представляет соперник. Он сам, его политическая группировка, взгляды, идеология, программа, нередко также общественная позиция и достижения. Потенциальные избиратели, при том, что каждый из участников диалога в полной мере отдает себе отчет в том, кто и какие социальные группы его поддерживают и, скорее всего, за него пойдут голосовать, а какие нет, – при этом всем население, тем самым, также и аудитория, в обычных условиях, не возникающего

⁷ Е.В. Кишина: *Смысловая модель категории «свое – чужое» на уровне политического дискурса*. „Вестник Томского государственного университета” 2009, № 1(5), Филология, с. 47.

⁸ Там же, с. 48.

открыто конфликта с ее, как правило, стороны, на «своих» и «чужих» разделяться не будут. Говорящий станет стремиться вести себя так, чтобы показать, но не то, что аудитория для него «свой», но что он для них «свой». В то время как его соперник, напротив. В отношении соперника он может, следовательно, прибегать к использованию средств его отчуждения и отделения.

В связи с чем возникает вопрос – кем оказывается соперник для говорящего, кем для него он будет в дебатах? Кто есть и каким предстает этот самый Другой для него в процессе предвыборной схватки в лице сидящего рядом с ним и одновременно напротив соперника? Стремление к его отделению от аудитории, отчуждению от других с ним Других (тавтология здесь неизбежна) приводит ли, может ли и задумано ли, привести к тому, чтобы он стал «чужим»? Тем Другим, который «чужой». По отношению не только к аудитории, но и для говорящего?

Вопрос этот в разбираемом случае не следует понимать ни как философский, ни как культурологический⁹. А если как таковой, то как следствие. Вопрос этот будет иметь значение и характер психологический и политический. Точнее было бы говорить о политической культуре и психологии (хотя не только о них), поскольку за этим стоит, в том числе и не только индивидуальное, отдельных личностей, но и различных партий, движений и групп, а с этим и имеющее хождение в обществе, заряженное нередко, если не как правило, неприязненно и негативно, отношение неприятия и непризнания. К оппонентам и оппозиции, к людям с противоположными взглядами и идеями, к тем, кто высказывает что-то *другое*, воспринимаемое как *не свое* (об экстремистских, террористических и фундаменталистских высказываниях, проникнутых ненавистью и нетерпимостью не хотелось бы говорить).

Другой в обозначенном так контексте, тем самым, является и выступает тем, кто высказывает что-то другое, не вписывающееся в то, что

⁹ Проблематика Другого поднимается, главным образом, в работах по философии и культурологии. См. для примера: М. БУБЕР: *Я – Ты*. Москва 1995, с. 16–92; Р. ШТИХВЕ: *Амбивалентность, индифферентность и социология чужого*. „Журнал социологии и социальной антропологии” 1998, № 1, т. 1, с. 41–52; Э. ЛЕВИНАС: *Время и Другой. Гуманизм другого человека*. Санкт-Петербург 1998; Ж.-П. САРТР: *Бытие и ничто*. Москва 2000; В.В. ИЛЬИН: *Постклассическое обществознание: каким ему быть?* „Социологические исследования” 1992, № 10, с. 37–43; Т.Х. КЕРИМОВ: *Гуманитаризация обществознания и проблема Другого*. В: *Другой в пространстве коммуникации*. Казань 2007, с. 7–21; Е.Е. КУДАКОВА: *Интерсубъективность и диалог (опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я – Другой)*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону 2002; Е.В. КАНТЕМИРОВ: *Проблема Другого в современном обществе*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург 2004; *«Другой» в пространстве коммуникации*. Сб. науч. статей под ред. С.К. Шайхитдиновой. Казань 2007; Е.Н. ШАПИНСКАЯ: *Образ Другого в текстах культуры*. Москва 2011.

свое, нередко противоречащее и ему противопоставленное. То есть это не просто такое *другое*, которое не свое, но это другое альтернативного и противоположного, призванное и задуманное вытеснить и ниспровергнуть, отринуть свое, занять ему надлежащее место, тем самым, его удалить, отодвинуть, возможно также, и ликвидировать, но в любом таком случае его заместить собой. Получается, что это не нейтральный Другой, но Другой-истребитель, притеснитель и вытеснитель.

Так это или не так, всегда ли так и в каком случае, каких случаях это не так? На этот вопрос предстоит попытаться в дальнейшем ответить. Так же как и ответить еще на два, отчасти взаимосвязанных и коррелирующих, вопроса – каким предстает в разбираемом случае Я и каким Другой в представлении и исполнении каждого из участников.

Прежде чем обратиться к этим пока что заданным, но не решенным вопросам, видится необходимым, отчасти попутно, но с тем, чтобы подвести к разрешению основной задачи, определить, в первую очередь, что такое этот самый Другой, но в контексте политических выступлений, не как философский и культурологический круг представлений о нем. А, в свою очередь, во вторую, во взаимной с первой связи, уточнить, в том числе и в контексте решаемой задачи, выносимое в заголовок понятие политического контрвзаимодействия, подвывая его к возглавляемому все это Я, которое выступает как vs. Другому (и, необходимо добавить, наоборот, т.е. в обратную также сторону).

Полагаясь на выводы О.Ф. Автохутдиновой, для целей своей диссертации подробно изучившей проблему Другого в имеющейся литературе, нет оснований не полагать, „что по степени опасности для «своих» могут быть выделены виды Другого: «враг», «чужой», «иной»”. „В последнем случае”, – как она замечает, – „«Другой» в какой-то степени может быть даже включен в группу «своих»”¹⁰.

Остановимся в этом месте на время в рассмотрении проблемы Другого применительно к языку политики и речам политиков, особенно в условиях предвыборных столкновений, отметив попутно, что важными для все того же Другого представляются все три довольно последовательно различаемые в научной литературе понятия «врага», «чужого», «иного», нередко связываемые с представлением о толерантности / нетолерантности¹¹, имеющих значение не только для общественных, но и политических взаимодействий и отношений.

¹⁰ О.Ф. Автохутдинова: *«Другой» как персонаж СМИ: Дискурсивные практики конструирования*. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург 2015, с. 4.

¹¹ О толерантности в лингвистическом понимании пишет О.А. Михайлова: *Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста*. В: *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург 2003, с. 99–111.

Обратимся к тому, как и что понимают под тем, что такое Я и что значит «свой» применительно к разбираемому нами предмету. Не вдаваясь в подробности различных позиций и представлений по данному поводу, поскольку не в их рассмотрении состояла задача, сошлемся на занимавшийся данным вопросом источник. По замечанию цитировавшей уже нами ранее Е.В. Кишиной, „в рамках философской и культурной антропологии, социологии, политологии «своё – чужое» сводится к противопоставлению разных этнических общностей”, наделяясь как этнодифференцирующей, так и этноинтегрирующей функцией.

Из чего, как следствие, получается, что «своё» с представлением о том, кто такие «свои» и что такое «своё», входя в отношение с различного рода понятиями, объектами, свойствами, положениями, включаясь в них, сопровождая их семантически и эмотивно окрашивая, служит тому, чтобы, с одной стороны, отличить для начала их от всяких прочих других. Не обязательно при этом, но что вполне возможно в дальнейшем, поскольку в этом заложено, отделить, а отделив, противопоставить и изолировать, сделав чуждым, чужим (альенировать). А с другой, отличив от всех прочих и, если не противопоставив, то противоположив, стать основой сплочения, объединения и составления интегрируемой общности.

И в том, и в другом проявлении «своё», в противорасполагающем, скажем так, положении к «чужому» как не «своему», становится мотивирующим, а с этим, как следствие, и мобилизующим средством воздействия на сознание тех, кого относят либо только склонны и начинают относить к группе «свои».

Понятия «свой» и «свои», со всей очевидностью, не одноуровнево. Выделяя в последовательности и отвлекаясь от одной лишь этнической данности, умозрительно, можно было бы предположить под «своими», точнее включаемыми в поле «своё», представление о «мы – люди, земляне¹²» (опуская выше стоящий член, поскольку мало кем осознаваемый,

¹² Под этим *земляне* можно исходно воспринимать идею *человека земли*, как рожденного на ней и живущего, представителя среднего мира. Иными словами, за этим стоит первоначальное представление о том, кто такие «свои» в их противопоставлении к «чужим». Ср. отмечаемое Вяч.Вс. Ивановым свойственное древним славянам (и, видимо, не только им) противопоставление «своих» «чужим», проявляемое в трех планах: 1) социальном, с представлением о принадлежности к данной группе; 2) этническом и 3) человеческом / нечеловеческом, при котором «свой» означает отнесенность к человеческому, а «чужой» – к нечеловеческому, звериному, колдовскому. (Вяч.Вс. Иванов: *К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы*. В: Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров: *Славянские моделирующие семиотические системы*. Москва 1965, с. 96). Из чего получалось бы, что это последнее, «человеческое», можно было бы интерпретировать в биологическом (родовом, человек по роду его, двуногий и вертикально ходящий, homo sapiens), космическом (землянин, живущий на Земле, человек Земли) и мифологическом и с ним ритуально-культовым отношениях.

«мы – живые на ней существа», и не только живые; или, если взять еще шире, как в песне «Мы – дети Галактики»¹³, что еще менее активизировано общественным восприятием).

И далее «мы – европейцы», актуализируемый обычно в культурных либо экономических контекстах и отношениях. А также «мы – славяне», как духовный и психологический, затем этнический, «мы – поляки, русские, украинцы и пр.», ментальный и поведенческий, в первую очередь, и уже упомянутый компонент, понимаемый как «мы – представители такой-то нации». С этим, до или между, а может, и после либо в отождествлении, поскольку отношения могут быть разными, в зависимости от мировоззренческого подхода, то, что связывается с представлениями об исповедуемой религии и расе, типа «мы – христиане», «мы – православные», «мы – католики», «мы – мусульмане», «мы – белые», «мы – черные», «мы – цветные» и др.

После чего производится переход на социальные и с этим политические, идеологические, мировоззренческие, партийные и пр. объединения. и параллельно – регионально-локальные, групповые, включая сюда субкультурные, возрастные, половые, поло-возрастные, учебные, производственные и т.п., доходя, в конечном итоге, до представлений о круге ближайшего и самого тесного – родственных отношений, семьи, приятелей, пары возлюбленных или друзей. Заканчивалось бы это все на вбирающем данные представления, в каком-то порядке, связях и отношениях, и стоящем в их фокусирующем центре Я.

В каждой из этих как вертикальных, так и горизонтальных проекций того, что воображается и мыслится как «свое» в его дифференцирующем, с одной стороны, и интегрирующем, с другой, отношении к тому, что воспринимается или чувствуется как «не свое» и, возможно, при этом «чужое», – в каждой из этих проекций необходимо и следует говорить о наличии показателей так называемой «свойскости»¹⁴. Которая, как таковая, не будет нас интересовать, но которая, с одной стороны, определяет признаки, будучи обращенной к ним, того, что являет собой природу и проявления «своего» для данного вида объединения. В то время как с другой стороны, составляет, если не центр, поскольку все же не центр, то некую точку и пункт, через те же самые признаки, притяжения, в отношении Я.

¹³ *Притяжение Земли*, на слова Р. Рождественского, муз. Д. Тухманова, с существенным далее расширением: «Мы – дети Галактики, Но самое главное – Мы дети твои, дорогая Земля!».

¹⁴ Или «свойственности», по-другому. О ней как категории пишет Р.Н. Порядина: *О семантической категории «свойственности» в русском языке*. В: *Картина мира: модели, методы, концепты*. Томск 2002, с. 74–80.

Говоря о том, что указанная «свойскость» определяет признаки, под этим *определяет* не следует понимать нечто ясно осознанное и семантизированное. Часто это невыразимое с помощью очевидно толкуемых слов, нередко также и не мотивируемое, чувство притягивания и принадлежности к чему-то большему, к чему относится Я либо относит себя. Признаки эти при этом, несомненно, есть, однако поскольку они нередко имеют характер размытый и импульсивный, их можно использовать, особенно в целях манипуляции и пропаганды, в том числе и предвыборных, не называя, но апеллируя к ним. Обращаясь внутренне к скрытому, а потому интригующему, общему у говорящего со слушателями, сенситивно-регулятивному коду и отмечая, обозначая его распознаваемо значимыми сигнальными проявлениями. С недоговариванием и не растолковыванием, интуитивным и импульсивным, если не прямо намеренным. Со скрытой, если не мыслью, то внутренней установкой «вы здесь свои, поэтому знаете и понимаете, что я имею в виду, а знаете и понимаете, потому что свои». Входя, тем самым, в тот замкнутый, но при этом неосознаваемо магический круг, который и составляет не раскрываемую содержательно идею «свойскости» или «свойственности».

Объяснять и растолковывать, как из этого следует, полагалось бы *не своим*, а им и напрасно, и неразумно было бы объяснять, посвящая их в круг «своего», поскольку, как *не свои*, они и так всего не поймут либо поймут неверно и перетолкуют. *Своим* же объяснять ничего не требуется, *свои* и так знают, а если не знают, то чувствуют, о чем идет речь, что им сообщается и что говорящий имеет в виду. И потому им и для них объяснять означало бы не принимать их тогда за *своих*.

Указанный круг не столько порочен, сколько непреодолим. За этим стоят представления типа «Как такого можно не понимать?», «Это же элементарно!», «Это знает каждый!», «О чем тут можно еще говорить?». Участвующий в предвыборных дебатах, и не только в предвыборных, и не только дебатах, политик, как представитель данного, в разбираемом случае национального, общества и при этом сообщества, неизменно и постоянно будет апеллировать как к проговариваемым громко и вслух, так и к не проговариваемым, положениям и ценностям, имеющим хождение и принятым (распространяемыми и закрепляемыми средствами той же политики и с ними СМИ) как таковые и общие положения и ценности. Однако не будем вдаваться в эту, несомненно важную и показательную, проблему, с тем чтобы ее развивать, постаравшись в дальнейшем увидеть это на конкретных примерах из разбираемого материала.

Помимо складывающегося в отношении к Другому представления о «своем», определяемого по разного уровня семантическим и не семантическим признакам и представляющего собой в каком-то их объединении некий (условно) пучок, ориентирующий сознание каждого из своих

представителей и составляющий смысл и основу их реагирования на преподносимое в говорении окружающее, – помимо этого представления, необходимо, прежде чем перейти к уяснению себе того, что такое Другой и каким он в условиях политического контрвзаимодействия может быть, сказать несколько слов о том, что такое Я, с учетом того же определяющего задачу контекста. Как его можно и следует интерпретировать и понимать, не входя в философские и психологические аспекты его понимания. То есть Я политического взаимодействия в отношении к тому, что «свое» и вместе с тем «не свое» как *другое*. Как то, что исходит и производится от Другого, чего выразителем, если не представителем, он себя объявляет, пусть при этом только с позиции и в интерпретации Я, с его слов. Как *другое*, которое не может быть принято и одобрено Я как *свое*. Отчасти из этого будет следовать и на этом основываться характеристика и оценка – «кем Ты есть и кто Ты на самом деле такой». Как достигаемый результат и навязываемый либо подразумеваемый, но при этом не менее сильный, итог, говорящим, каждым из них, в проводимых дебатах.

Р.Н. Порядина, занимавшаяся изучением выделяемой ею «свойственности» как семантической категории, отмечает распадение ее семантической области на три взаимосвязанных зоны – «близкий к «Я», «необходимый для существования «Я», «требующий участия «Я». Все это находит свое выражение на разных уровнях языка и, в первую очередь, на лексическом уровне¹⁵.

Оттолкнувшись от этого представления, не вдаваясь в дальнейшие разыскания существующих множественных, в том числе и в первую очередь, философских и психологических, рассуждений о «Я»¹⁶. Исходя из предмета и с ним стоящей задачи, данное положение видится, если не вполне исчерпывающим, то, в своей основе, достаточным для того, чтобы, выведя из него необходимое, пойти дальше.

Участвующий в предвыборных дебатах неизменно будет касаться, противопоставляя себя сидящему перед ним и напротив Другому, того, что составляет зону «близкий к «Я», подчеркивая свою солидарность

¹⁵ Р.Н. Порядина: *О семантической категории «свойственности»...*

¹⁶ Помимо научно-учебной литературы по психологии и педагогике, такой, к примеру, как Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая: *Социальная психология личности*. Москва 2001; *Общая психология*. Под ред. А.В. Карпова. Москва 2004; С.Н. Мельник: *Психология личности*. Владивосток 2004; Н.Г. Милорадова: *Психология и педагогика*. Москва 2005; *Общая психология*. Сост. Е.И. Рогов. Москва 2000, а также упомянутого ранее философского рассуждения М. Бубера: *Я – Ты...*, в указанном отношении интерес представляет известное исследование Р.Д. Лэнга: *Расколотое «Я»*. Санкт-Петербург 1995, посвященное патологии и не случайно им связываемое с определением все того же «Я», к тому же расщепленного и раздвоенного, что в связи с толкованием о Другом может получить, может, и несколько неожиданный, но показательный и дающий задуматься поворот.

с аудиторией, стремясь показать через это, что то, что близко ему, должно быть понятно и близко находящимся у телеэкранов. За этим стоит объединяющий, интегрирующий характер его выступления через воздействие на ту часть содержания, которая связывается с представлением о «свое».

В отношении сказанного возможен внутренне не осознаваемый и не всегда легко обходимый конфликт. Как сделать так, чтобы это самое «близкое к «Я» касалось «Я» говорящего, «Я» присутствующих и одновременно не совпадало и отличалось от «Я» оппонента, также при всем при этом присутствующего? Ибо в противном случае, вместо того, чтобы отделить его, исключив из группы того, что «свое» и мне близко, отнеся его как Другого к группе «не своего», того, что мне чуждо, с чем «Я» должен бороться и против чего выступать, предлагая на место Другого себя, вместо этого будет достигнут совсем нежелательный результат. Неотделение Другого от зоны «близкого к «Я» поведет к лишению смысла производимой предвыборной борьбы и, в конечном итоге, к потерям и проигрышу.

Опасность и сложность стоящей перед выступающим в дебатах задачи в указанном отношении состоят также в том, что и неразумно, и не обоснованно, и не вполне достойно, а потому и не следует то, что близко Другому, полностью и решительно из того, что близко для Я, исключить. Существуют границы и мера. Мера, которая демонстрирует умение, понимание и такт. Границы будут затрагивать стороны, связанные, в первую очередь, с предлагаемой программой и с этим путем достижения того, что Другой предлагает, с одной стороны, как политик, с другой, непосредственно в данных дебатах.

Необходимо его исключить не из этнической группы как «своего» (хотя эти границы также могут быть поколеблены, как показывает материал¹⁷), не всегда или не до конца из группы «своего» социального (а если делать это, то не напрямую), не всегда и не до конца из группы общих моральных и конфессиональных ценностей (семья, дети, внуки, потомство, вера, Костел). Но тогда из чего? Потому что, если из группы близких «Я» мировоззренческих и политических взглядов и установок, что само собой разумелось бы, то это не может быть убедительным аргументом для всех. Это будет понятно и близко единомышленникам, а их не надо за себя агитировать и как-то еще дополнительно убеждать.

В этом «близком «Я», в отношении материала проводимых дебатов, можно было бы, в связи со сказанным, увидеть позицию невключения, не подчеркнутой дистанцированности и несколько сглаженной, местами не

¹⁷ Ср. высказывание Качиньского об отношении Туска к Гданьску и Штейнбах во втором круге дебатов с плохо скрываемым намеком на его, т.е. Туска, не польскость и не патриотичность в отношении Польши.

заинтересованной, иногда игнорирующей, обособленности. Из чего получалось бы, возвращаясь к тому, что было сказано в отношении Другого с его разделением по видам на «врага», «чужого», «иноного», что ближе всего такая позиция относилась бы к третьему, т.е. «иному».

Сидящий рядом и напротив во время проводимых дебатов в открытой позиции говорящего не «враг». В противном случае отношение к нему было бы резко противопоставленным, уничтожающим и элиминирующим. Мало этого, с ним невозможен был бы ведущий к какому-то выводу диалог, его изначально следовало бы из обсуждения исключить, а это противоречило бы духу дебатов.

Он также и не «чужой». В противном случае трудно было бы говорить о возможности взаимодействия с ним и достижения понимания с его стороны. Говорить пришлось бы на разных, но не этнических, а ментальных и политических языках. Этого не происходит. Разговор имеет взаимно направленный, вопросно-ответный и реагирующий характер.

Представление же его как «иноного» дает возможность более широкого поля действия. Будучи отнесен определенной и общей всем частью к «своим», в этих «своих» он может и должен быть изображен и представлен как не до конца понимающий, а потому не до конца соответствующий. То есть, в итоге, не полностью относящийся, «близкий», но искажающий эту самую «близость», понимаемую так, чтобы быть «близкой всем», одновременно с этим их обеспечивающей и им дающей, т.е. близостью перспективной. Из чего будет следовать мысль о том, что «иной» в отношении к позиции «близкий к «Я» выступает как неудачный, неподходящий интерпретатор, предлагающий то, что нарушает заложенную в ней к перспективе возможность.

Неудачный этот в изображении и представлении говорящего интерпретатор «близкого к «Я», начинающего фигурировать как «наше общее достояние», и поэтому «близкое к «Я», он же «иной» и соперник, как соперник себя проявляет, в первую очередь, в отношении следующей, выделяемой указанным автором, зоны – «необходимый для существования «Я». В этом случае выступающий занимает позицию того, кто активно радует, думает и защищает интересы всех тех, кто относится к группе «своих» по гражданственно-этническому, скажем так, показателю. Интересы той группы МЫ, которая предстает не как статусно-ролевая, свойственная политическому дискурсу и его проявлению, но МЫ социальной общности. Той социальной общности, в первую очередь и в основном, которая ближе всего оказывается к позиции «необходимый для существования «Я».

Применительно к данной позиции можно было бы говорить, имея в виду, по крайней мере, три ее направления. Ее отношение к собственно «Я» и положение в ней «Я» в этом случае. Ее отношение к группе «близкого к «Я». И ее отношение к «Я» и «близкого к «Я» у Другого.

Ведущим оказывается второе, т.е. отношение к группе «близкого к «Я», через которое проступает позиция первого (отношение к собственно «Я») и дается оценивающая и оценочная характеристика третьего (отношение к «Я» у Другого).

«Необходимое для существования «Я» начинает интерпретироваться и относиться применительно, главным образом, к тем, для кого из «близких к «Я» этот пункт оказывается наиболее актуальным. Происходит своего рода «выпаривание»: из состава всех «близких к «Я» выделяются те, для кого показатель необходимого для существования оказывается наиболее острым. Одновременно с этим «выпаривается» из указанной зоны также и «Я». «Я» теперь выступает в роли не того, кто им равен по признаку 'необходимости для существования', но кто солидаризуется по этому показателю с ними. Как не только сочувствующий им их представитель и репрезентант, но и репрезентант диспенсивно-партиципирующего характера, знающий как то, что является «необходимым (им, его «близким») для существования», так и то, что можно и нужно сделать, чтобы помочь, чтобы исправить имеющееся недостающее положение. Как берущий на себя ответственность по руководству, поскольку умеет, способен и представляет, как все устроить и организовать.

Отношение к сидящему рядом и напротив Другому, поскольку речь идет о защите интересов того, кто нуждается, кто не обеспечен, кто не получает и не получил, со стороны говорящего в этом случае и, тем самым, по данному показателю становится более жестким. Другой – это не столько тот, кто не совсем правильно интерпретирует или не то предлагает. Это тот, в основном, кто не хочет или не может понять, кто, возможно, намеренно искажает, по недостаточной осведомленности, в силу предвзятости, а также личных либо групповых интересов. Другой в этом случае предстает как «чужой». «Чужой» для нуждающихся, глухой к их потребностям и необходимым, не способный к сочувствию, поскольку далекий и отделенный от них. А потому и, следовательно, он тот, кого не следует принимать в расчет, на кого полагаться не стоит, в связи с чем его самого, в этом случае, требуется отделить от «своих», обособить и альенировать.

Что касается третьей зоны, «требующего участия «Я», в отношении говорящего применительно к аудитории действует интегрирующая, солидаризирующая и мобилизующая функции. Выступающий проявляет себя здесь как, в первую очередь, диспенсивно-партиципирующий репрезентант, заявляя о том, что умеет, знает, готов себя проявить в соответствующей для поставленных целей деятельности. Необходимы только достойные средства и рычаги, и эти средства и рычаги зависят от избирателей, они открывают ему возможность к тому, чтобы потом вместе с ними, совместно со всеми, действовать.

Позиция сидящего рядом и против Другого, в представлении говорящего, может быть по данному показателю разной. В зависимости, как показывает материал, от поднимаемой темы. Другой может быть тем, кому не следует доверять рычагов и средств управления, т.е. его полагается исключить, как «чужого», поскольку далек он и не понимает того, что действительно требует полагающегося участия со стороны Я. Он может быть тем, кто «иной», поскольку то, что он предлагает, не соответствует существующему положению вещей и исходящим из этого требованиям. Мало этого, своим таким недопонимающим и не должным образом понимающим отношением он способствовал и способствует усугублению нежелательных и искажающих существо стоящих проблем проявлений.

И в любом из этих представленных случаев это не будет, не должна быть позиция «врага», как намеренного противодействителя, того, кто активно вредит, что требует разоблачения, обличения, осуждения. Не может и не должна быть, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, потому, что сидящий напротив соперник присутствует и, увидев, почувствовав подобного рода со стороны соучастника нападение, не преминет ему тем же ответить. И, во-вторых, потому, что такая позиция и подобное представление соперника, объяснимое в самых критических случаях, может ему самому, т.е. говорящему, навредить¹⁸.

Третьим, не менее важным в пользу того же отказа от представления Другого «врагом» аргументом, будет аудитория, среди которой могут находиться не только прямые его сторонники, но и колеблющиеся между двумя кандидатами. В результате подобное резкое представление соперника может не только первых, но и вторых оттолкнуть, как от самого говорящего, так и, что не исключено, от обоих. И тогда они не пойдут на выборы или пойдут, чтобы вычеркнуть одного и второго. В то время как у говорящего вовсе нет намерения, без излишнего к этому повода, столь нежелательным образом накалять предвыборную обстановку. Перед ним задача мобилизовать избирателей, для чего их надо расшевелить, подготовить и разогреть, не отталкивать.

¹⁸ Что можно сравнить со стратегией уничтожения политического оппонента в дебатах. По замечанию В.З. Демьянкова, «Одним из средств уничтожения в политических дебатах является высмеивание.» Прибегая к нему, «оратор «входит в сговор» со слушателем, стремясь исключить из игры политического оппонента как не заслуживающего никакого положительного внимания. ... Поскольку высмеивание находится на грани этически допустимого, можно предположить, что оскорбительный юмор воспринимается обществом только в самый критический период; а в «нормальные» периоды такой жанр вряд ли допустим. В более же мягкой форме исключают противника из игры, когда говорят не о личности ... а об ошибочных взглядах...» (В.З. Демьянков: *Интерпретация политического дискурса в СМИ*. В: *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. Отв. ред. М.Н. Володина. Москва 2003, с. 130–131.)

Тем самым, в ходе дебатов и по условиям проводимой «игры» соперник объективно и субъективно, оказываясь необходимым и равным участником, не только не может быть исключен, с тем чтобы говорящий получил возможность остаться с аудиторией наедине, что также дебаты по своим правилам не предполагают, напротив, он должен его задействовать, втянуть его в разговор. Соперник становится как собеседником, к которому говорящий нередко речь свою обращает, задавая вопросы, требуя ответа на них, сопровождая его выступление репликами, так и одновременно объектом. Выдвигаемой критики, комментариев, пояснения на примерах, подводимой оценки, как прямой, так и скрытой.

Мало этого, говоря о себе, о своих предложениях, взглядах, позициях, отношении к окружающему, понимании существующего положения вещей, планах, программе, выступающий непременно, как адресуя, так и не адресуя, обращаясь к сопернику и не обращаясь к нему, обходя его, не упоминая о нем, игнорируя, непременно имеет его в виду. Я становится мерой, а также оценкой Другого. Так же как и наоборот. То, что он говорит об этом сидящем рядом Другом, служит ему дополнительным и весьма существенным средством сообщить нечто важное о себе, о своей позиции, отношении к окружающему, понимании существующего положения вещей.

Процесс этот оказывается как взаимонаправленным, так и взаимобратным. Другой получается крайне необходимым для Я. С его помощью, при умелом и правильном проведении диалога, достигается говорящим желаемый результат. Это не только «мальчик для битья», «боксерская груша» и тот противник, которого надо выбить из седла, сбросить с коня, повалить на землю и, по возможности, чтобы не встал, растоптать. Это, прежде всего, как ни странно данное положение, на первый взгляд, может, прозвучав, показаться, своего рода «сотрудник». Хотя не соратник.

Сотрудник в смысле того, кто не только своим присутствием, но и активным проявлением в действе, производимом на глазах у «честного народа», болельщиков и судей в одном лице, позволяет, фактически, осуществить стоящую перед каждым из двух состязающихся претендентов задачу. Тот, кто своим сотрудничеством и соучастием, с о п р и ч а с т и е м, способствуя, позволяет добиться того, что в других, не стирающихся в столкновении условиях, было бы сделать непросто. В первую очередь, в силу отсутствующего в этих, по виду не контрастирующих и бесконфликтных, условиях, необходимого актуального и эмотивного при этом заряда. Поскольку дебаты в сгущенной и концентрированной форме, по причине сопровождающего их накала и напряжения, возникающего из открытого столкновения, при котором необходимо всеми возможными и допустимыми средствами победить, предполагают способность высказать то, что касается одновременно Я и его соперника. И сделать это,

если умело, так, чтобы было одно в другом, передать одно через другое. Говоря о себе, выступающий говорит в то же самое время и о сопернике. Говоря о нем, говорит о себе.

Необходимые сжатость и емкость, которые можно и нужно использовать, которые очень сложно использовать, но которые, если суметь это сделать, способны не только помочь, но и обеспечить желанный успех, заложены также в ограничениях времени. Каждому из выступающих отводится поминутно считаемое время на ответ и потом на вопрос, на предполагаемый комментарий и краткое итоговое выступление.

В дебатах, как получается в результате, поставленные в условия жестко регламентированного противостояния и противодействия, один напротив другого на равных правах, соперники вынужденно должны сотрудничать, выполняя каждый в отдельности и совместно общую как разделенную, отдельно для каждого, сверхзадачу. Это вынужденное их сотрудничество потенциально содержит как положительный, так и негативный, уничтожающий и выручающий компонент. В виде набора средств взаимонаправленного и взаимообратного самопредставления. Я сам способен себя погубить либо вытянуть, так же как и погубить либо вытянуть своего Другого. И так же обратно. Я может использовать шансы, предоставляемые ему Другим, умело обернуть их в свою пользу. Или наоборот. Но, не использованные, они могут сработать против него. Оружие это и коварное, и обоюдоострое.

Тем самым, как получается, выигрыш в дебатах заложен в способности к самопрезентации. Такой, чтобы из этого следовала и получалась оценка, чтобы болельщики-судьи могли сделать вывод и заключить, кому из двоих можно доверить свои голоса, кто из них более, а кто менее достоин. И при этом такой самопрезентации, которая внешне и внутренне, объективно и субъективно, намеренно и не намеренно, говорит, иногда даже в первую очередь, о Другом, о сидящем напротив и рядом сопернике. О том Другом, который оказывается необходимо нужным *Другим*, по принципу отталкивания и одновременного притяжения, или отталкивающегося притяжения, если то и другое, сложив, совместить.

Говоря о Другом, но не только в контексте сказанного, имеет смысл обратиться к его философскому пониманию. Не для того, чтобы, углубившись в проблему, прийти к какому-то важному выводу, поскольку не о философии в данном случае речь. Но для того, чтобы лишний раз показать не случайно следующую из сказанного перед этим возможность, заложенную в природу самого предоставляемого политическими дебатами существа.

Взаимодействуя, неизбежно каждый из нас постоянно сталкивается не только с так называемым Другим, но и с тем, что исходит от него как *другое*. На этом контактно-отталкивающемся, контрастирующем и со-

вмещаемом отношении строятся не только концепции, взгляды, знания, эмоции, впечатления, но и сам человек. Эта особенность и используется, преднамеренно и отчасти искусственно, точнее моделирующим образом, в дебатах.

Говоря о необходимом Другом, не касаясь различных концепций о нем¹⁹, имеет смысл обратиться к трактовке данного явления и понятия в представлении Ж. Делёза, ибо оно позволяет в наибольшей мере связать то, что было замечено в отношении взаимно отталкивающихся и сопрягающихся соперников-собеседников в ходе дебатов.

Согласно его пониманию, Другой существует и присутствует как средство более полного и достоверного, разностороннего, постижения мира. «Ту часть объекта, которую я не вижу, я полагаю видимой для другого, так что, когда я обойду этот объект, чтобы достичь этой скрытой части, я присоединяюсь к другому, стоящему за объектом, и я объединю его в целое таким образом, каким уже предвидел.»²⁰

Тем самым, Другой, в представлении Ж. Делёза, выступает не только как средство постижения невидимой для Я в изучаемом объекте, обращенной от Я, сокрытой и одновременно обратной его стороны, но и как средство подтверждения имеющегося знания, средство верификации и вместе с тем совмещения, объединения в целое двух разрозненных перед этим, даваемых в наблюдении, частей. И при этом, что интересно, в самом этом действии или акте содержится необходимость сближения с Другим, присоединения к нему. Не просто вхождения с ним в непосредственный объединяющий нас обоих контакт, но и пребывания, месторасположения с ним на одной стороне. Познание, постижение связывается и сопровождается, но не с постижением Другого, а с совместным присутствием с ним на одной стороне, которая перед этим для Я была невидимой и обратной.

Другой у Ж. Делёза становится средством удостоверения в том и постижения не только того, что невидимо и обратно, но и того, что находится на периферии: «знание и чувство маргинального существования возможно только через других людей»²¹, с цитированием при этом М. Турнье: «... Окружающее [другие люди – *пер.*] служит для нас постоянным раздражителем не только от того, что будоражит нашу мысль, мешая вариться в собственном соку, а еще и потому, что одна лишь возможность вторжения “чужих” приоткрывает нам завесу над целым миром явлений, рас-

¹⁹ В литературе предмета чаще всего упоминают концепции М. Бубера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса (см. их указ. работы), М. Бахтина (М.М. Бахтин: *Эстетика словесного творчества*. Москва 1986) и Ж. Делёза.

²⁰ Ж. Делёз: *Мишель Турнье и мир без другого*. В: Делёз Ж. *Логика смысла*. Фуко М.: *Theatrum philosophicum*. Перев. с фр. Я.Я. Свирского. Москва – Екатеринбург 1998, с. 400.

²¹ Там же.

положенных над миром нашего внимания, но в любой момент способных стать его центром»²².

Центр Я, в результате, получает возможность расширения и выхода из себя, включения в себя не только собственных как центральных сфер, но и всего остального и прочего, в Другом (других) и через него (через них): «другой гарантирует границы и переходы в мире. Он – сладость близости и сходств. ... Во всех отношениях мое желание проходит через другого, и через другого оно обретает свой объект. Я не могу желать ничего, что нельзя увидеть, помыслить и чем не обладает возможный другой. Это – основа моего желания. Всегда именно другой связывает меня с объектом»²³.

Получается, что Другой в отношении к Я выступает, наряду со средством познания, постижения и удостоверения в чем-либо, наряду со способностью к расширению и выходу за границы себя, также и одновременно, как эмотивно заряженный императив, исходящий от Я, побуждаемый и возбуждаемый в нем Другим, и направленный в нем на Другого, а через него, через этого в нем Другого, и на все окружающее, на весь существующий и постигаемый мир.

Положение, согласно Ж. Делёзу, выглядит еще более неотвратимо, напряженно и неожиданно, и при этом возвышенно и поэтизировано, в связи с чем неизбежно придется продолжить цитирование: «Он [все тот же другой – П.Ч.] регулирует изменения формы, а также фон и вариации глубины. Он предотвращает нападение сзади. Он наполняет мир благожелательным шепотом. Он заставляет вещи быть благосклонными друг к другу и искать себе естественные дополнения друг в друге. Когда мы выражаем недовольство по поводу невыносимости другого, мы забываем про иную и еще более страшную невыносимость, а именно про невыносимость вещей, которая имела бы место без другого»²⁴.

Невыносимость другого при еще большей невыносимости вещей без него. Что это как не необходимость, смешиваемая с нежеланием, его наличия и присутствия, о которой шла речь? с притягивающимся самоотталкиванием от него. С ним как мерой и средством не только собственной презентации, но и оценки себя самого и всего остального, в том числе и Другого. С тем, что, фактически, без него невозможно было бы достижение желаемого результата.

Завершая свои рассуждения о другом, Ж. Делёз делает крайне важное, в том числе и для нашего материала, заключение. Процитируем его полностью, с тем чтобы не исказить как в целом, так и в возможных деталях:

²² Пятница, или Тихоокеанский лимб, с. 54. Цит. по: Ж. Делёз: Мишель Турнье..., с. 400.

²³ Ж. Делёз: Мишель Турнье..., с. 401.

²⁴ Там же.

«Сравнивая первичные эффекты присутствия другого и эффекты его отсутствия, мы получаем возможность сказать, что же это такое – другой. Ошибка философских теорий в том, что иногда они сводят другого к частному объекту, а иногда – к другому субъекту. (Даже концепция, изложенная Сартром в *Бытии и Ничто*, довольствуется объединением двух этих определений, делая другого объектом моего взгляда, даже если он, в свою очередь, смотрит на меня, превращая меня в объект.) Но другой не является ни объектом в поле моего восприятия, ни воспринимающим меня субъектом: другой изначально – это структура перцептивного поля, без которой само поле не может функционировать так, как оно функционирует. ... Когда же я ... постигаю реальность того, что выражал другой, то я тем самым лишь эксплицирую другого, как и открываю и осознаю соответствующий ему возможный мир. Действительно, другой наделяет реальностью те возможности, которые он в себе несет, – особенно посредством речи. Другой – это экзистенция заключенного в нем возможного»²⁵. и добавляет далее: «Как раз не Эго, а другой как структура делает восприятие возможным»²⁶.

Говоря о соотношении Я и Другого, что имеет значение и для нас, Ж. Делёз замечает: «Со своей стороны, Я – не что иное, как мои прошлые объекты, и моя самость создана из прошлого мира, исчезновение которого произошло именно благодаря Другому. Если другой – это возможный мир, то Я – это прошлый мир»²⁷. И еще одно крайне важное для разбираемого нами предмета и при этом неожиданное, исходя из всего предыдущего, утверждение: «Ошибка теорий познания в том, что они постулируют одновременность субъекта и объекта, в то время как один из них полагается уничтожением другого»²⁸.

Из чего получается, что Другой – это и способ, и источник, и допускающая возможность, и средство объявления, своего рода врата восприятия, глаза, открывающие субъекту видимый и окружающий мир, как мир возможного и потому существующего. А также, что не менее важно, Другой – это необходимое средство и одновременно с ним способ реализации того, что имеется и объявляет себя лишь как возможное. То есть то, что только возможно, без Другого было бы нереально, а потому невозможно, потому что Другой их в себе содержит, поскольку, по словам Ж. Делёза, «в себе несет» и, что крайне важно, «особенно посредством речи». (Как тут не вспомнить о том, что политика – это искусство возможного?) Одновременно и вместе с тем Другой также средство актуализации и активизации, приобщения Я к настоящему времени и вхождения Я

²⁵ Там же, с. 403.

²⁶ Там же, с. 405.

²⁷ Там же, с. 407.

²⁸ Там же.

в настоящий, презенсный, мир («Другой ... удостоверяет различие между сознанием и его объектом в качестве темпорального различия»²⁹). Но при этом, этот мой настоящий и презенсный мир для меня достигается, необратимо и парадоксально, «уничтожением» в нем Другого.

Тем самым, как получается в результате, присутствие и наличие Я и Другого в дебатах, Я в Другом, Я через Другого и наоборот, организуется весьма сложно. Это далеко не одномерное и неоднозначное проявление. С одной стороны, Другой для Я – это тот, кого следует одолеть, обращаясь, далеко не всегда прямо к аудитории, но, говоря о себе, так говорить и при этом о нем, чтобы это, скорее, следовало как само собой разумеющееся и как логичный итог. В этом случае Другой предстает обычно в интерпретации Я как «иной» для Я и, тем самым, как следствие, для аудитории, с которой необходимо добиться солидаризирующего и интегрирующего контакта.

С другой своей стороны, Другой (не вполне случайная тавтология) – это тот, кто открывает собой возможность, не только тем, что на фоне и в сопоставлении с ним приходится говорить о себе, но и тем, что, прямо и непосредственно либо косвенно и имплицитно, неявно, говоря о нем и оценивая его, Я включает себя, свою важную для передачи по отношению к аудитории сферу, достигая способности сообщить ей то, что в противном случае, при отсутствии в дебатах Другого, сообщить было бы не так просто. Из чего и будет в последующем постепенно складываться и получаться желаемый результат.

Выступая мерой и средством в дебатах как Я, так и всего остального, Другой оказывается важным и необходимым звеном едва ли не целостного политического процесса, в котором производимые на глазах аудитории дебаты предстают лишь как малая часть. И хотя на основе их и опираясь на виденное и слышанное присутствующие делают вывод, вывод этот выглядит как обобщение, подведение важной черты.

Таковым он и есть по своему существу, ибо полученный и достигнутый в ходе происходившего разговора итог есть одновременно и завершение, закругление, пусть и важного, но не первого и не единственного, политического состояния, положения, распределения сил и с этим этапа, и начало, раскрытие нового, обеспечивающий к этому новому, во многом не новому, по крайней мере, содержательно, переход. Дебаты, в соотношении Я и Другого, Я vs. Другого в них, становятся средством актуализации, темпоральной привязанности, обозначения и отмеченности политического процесса в целом, применительно к каждому из участников как представителей основных и ведущих политических сил и сторон.

²⁹ Там же, с. 408.

Временная эта актуализация и привязанность имеет во всем этом двуправленный и при этом объединенный характер. Того перфектирующего, которое отмечает полученный и получаемый к моменту речи, в его следовании и последствии, осуществляющий себя и достигаемый на глазах результат, и того футурирующего несовершенного, которое предлагает и предполагает обращение к будущему, которое ожидается быть.

Использование языковых грамматических показателей реализуемого в актуализируемом моменте времени происходящего видится в данном случае важным и обоснованным. Не случайно Ж. Делёз отметил присутствие в открывающемся для Я возможного мира через Другого посредством речи. С помощью говорения и слов производится и происходит то, что должно, будучи изначально только возможным, произойти. Не случайность эта поддерживается также и одновременно, согласуясь и сочетаясь все с тем же Другим, тем, что политика, по общему и давно сложившемуся представлению, реализуется с помощью языка и слов. Политика – это не только, в первую очередь, произносимые деятелями и участниками процесса слова, это и есть эти самые произносимые ими слова и с ними язык³⁰.

Уничтожение прошлого Я, прошлого мира для Я, посредством Другого и одновременное уничтожение при этом Другого – это и появление, возникновение своего рода нового Я на глазах у присутствующих (по крайней мере, таковым оно может стать). Того, что он собой представляет, что предлагает и с собою несет, и при этом оборачиваемое и переворачиваемое в их ощущении, не всегда осознанном, но от этого еще более важном, «присваивание» того возможного, что несет в себе и содержит Другой, того реально достигнутого, что становится в полученном результате достоянием Я. Поскольку (говоря о субъекте с объектом, но также и о Я и Другом) при том, что, по словам Ж. Делёза, «один из них полагается уничтожением другого», Другой вместе с тем, помимо того, что «удостоверяет различие между сознанием и его объектом в качестве темпорального различия», это также и «экзистенция заключенного в нем возможного».

³⁰ Согласно известному высказыванию, встречающемуся в виде идеи в целом ряде работ, посвященных проблеме: «Язык является не просто средством, пользуясь которым мы говорим о ... политике, он и есть наша ... политика». (R.F. DRINAN: *The Rhetoric of Peace*. „College Composition and Communication” 1972, № 3, vol. 23, p. 279). Ср. также другое известное в том же ключе высказывание, косвенно касающееся также и политического языка: «Выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом», «произнося одно единственное слово, человек ... вынужден занять „позицию” и „осуществлять воздействие”». (Р. БЛАКАР: *Язык как инструмент социальной власти*. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва 1987, с. 90, 92).

Получающаяся в результате неотвратимая и неизбежная необходимость не только присутствующего, но и модифицируемого, используемого Другого в дебатах, строящаяся на основе отталкивающегося от него к нему же обращению и притягиванию, – все это в своей совокупности следует понимать под тем, что было в заглавии названо контрвзаимодействием. Противоположающим и противорасполагающим, отталкивающимся, разоблачающим и обвиняющим, с одной стороны. И привлекающим, подключающим и включающим, вбирающим и, вбирая в себя, преображающим, обращая себе на пользу, с другой. Не было бы и не могло бы быть Я в том виде, в каком он себя представляет и сам предстает, если бы не было с ним рядом Другого, в известном смысле *его* Другого, который оказывается для него необходим. В первую очередь, для реализации не только явных и демонстрируемых, но и заложенных в нем, им привносимых, возможностей.

Обратимся теперь к материалу, с тем чтобы показать не только те проявления и стороны, о которых говорилось в последней части представленных рассуждений, в отношении Я и Другого в условиях их политического контрвзаимодействия, но и то, что обязательным образом будет связывать говоримое, то, о чем речь, и что проявляет себя неизбежно в речи, с выделенными и отраженными в ранее полученной схеме семью компонентами.

С тем чтобы, с одной стороны, показать, как это может в непосредственно контактирующих условиях проводимых дебатов осуществляться. С другой, в свою очередь, предполагая, что далеко не всегда это выглядит однозначно и прямо направленно на тот или иной компонент, попытаться увидеть, в каких сочетаниях, допустимо возможных, а потому и используемых, могут, применительно к действующим и актуализируемым в момент говорения средствам, и какие при этом, те или иные из семи названных компоненты, включаемые и находящие свое воплощение в речи, себя отражать.

Для начала такого разбора и объяснения стоящей за ним процедуры рассмотрим, не закладывая изначально того или иного решения, отвлекаясь от обозначенной в предыдущем абзаце задачи, два начальных фрагмента ответного выступления, по одному для каждого из участников анализируемых дебатов. Общим вопросом, из которого будет следовать не только полученный и соответствующим образом поворачиваемый каждым из них ответ, но и то первое впечатление, те важные первые аккорды вступления, которые в последующем должны будут усиливаться и нарастать, – таким общим для них обоим вопросом был следующий:

Prowadząca: ...przypominam, że każdy z Panów ma półtorej minuty na odpowiedź. Połowa Polaków żyje poniżej minimum socjalnego. Co

zrobić, żeby ludzie nie musieli emigrować a praca w kraju dawała im perspektywy na godne życie i własne mieszkanie?

Kaczyński: Proszę Państwa, jeśli chodzi o obecną sytuację, to można oczywiście dyskutować, czy jest tak, bo badania profesora Czaplińskiego mówią, że jest inaczej, ale my przyjmujemy ten wariant najczarniejszy, bo tak powinna czynić władza. I... metoda jest jedna: szybki wzrost, ale połączony z rozwojem. Szybki wzrost, czyli wzrost, który zapewni przynajmniej te sześć-siedem procent rocznie. Plus rozwój, to znaczy rozwój świadczeń społecznych, to znaczy zwrócenie się państwa także ku tej części społeczeństwa, która dotychczas na wzroście nie korzystała. To jest polityka którą prowadzimy, prowadzimy realnie, można ją przedstawić w liczbach, sumach przesuniętych z jednej strony do tej części społeczeństwa, która miała dotąd mówiąc najprościej gorzej. Z drugiej strony można ją także pokazać poprzez bardzo dobrą sytuację gospodarczą, wszystkie wskaźniki gospodarcze w tej chwili są bardzo dobre. No jest jeszcze jedna strona w tej kwestii. Trzeba zapobiec powrotowi do polityki która była nastawiona wyłącznie na interesy grup najlepiej sytuowanych, trzeba odrzucić ten typ polityki, który doprowadził do masowego bezrobocia, później, po pewnej przerwie, znów doprowadził do masowego bezrobocia. Trzeba po prostu odrzucić politykę liberalną.

Tusk: Słyszeliśmy już dwa lata temu o tym podziale na Polskę solidarną i Polskę liberalną. Panie Premierze, niech Pan zwróci uwagę na to, że w ciągu tych dwóch lat kiedy rządzicie blisko 2 mln Polaków wybrało liberalną gospodarkę, niestety nie u nas. W Irlandii, Wielkiej Brytanii, w Szkocji, w Stanach Zjednoczonych, Holandii, w Hiszpanii. Prawdziwą sztuką jest mieć liberalną gospodarkę i solidarną politykę społeczną [*oklaski poparcia*]. Pyta Pani, pyta Pani [*zwraca się ku Prowadzącej*], co należy zrobić, żeby, żeby Polacy nie wyjeżdżali, żeby to minimum socjalne nie było tak upokarzające. Nie trzeba okrywać Ameryki, ja to powtarzam i politykom w Polsce, niestety rzadko to rozumieją, a na przykład tym, którzy wyjechali do Anglii, nie muszę już tego powtarzać, bo to oni mnie właściwie mówili, że wystarczy w Polsce zbudować gospodarkę na takich zasadach, na jakich funkcjonuje właśnie w Wielkiej Brytanii czy w Irlandii. Polacy, podobno jak inne nacje od kilkudziesięciu lat, jeśli uciekają z jakiegoś kraju do innego, to zawsze uciekają od socjalizmu do liberalizmu, zawsze uciekają od spętanej przepisami gospodarki do swobodnej gospodarki. I dlatego ja znam receptę, ja znam dobrą odpowiedź na to pytanie. Zrobić Irlandię, zrobić Anglię tutaj nad Wisłą, a nie wyrzucać naszych ludzi za granicę.

Начало выступления Качиньского внешне обращено к тому, чтобы поставить под сомнение не похвальное для правящих положение граждан, в результате которого они вынуждены эмигрировать, ссылаясь при этом на достоверный, поскольку научный и к тому же исследовательский, источник. Неявно, но при этом довольно прозрачно подразумевается, и это впоследствии получит распространение, утверждение: «Поскольку и с тех пор как у власти мы, положение граждан не может быть неудовлетворительным, и это не мое только мнение, это мнение экспертов. Однако», – заявляется далее, – «мы принимаем, и исходим затем в своих действиях из того, что вариант может быть наихудшим, и так должны поступать представители власти».

Что можно вывести из данного утверждения в отношении, в первую очередь, Я и Другого, поскольку все остальное будет нас не то, чтобы менее, но интересовать как средство определения и характеристики этих двух составляющих?

Для начала подразделим высказывание на меньшие утверждения, или тезисы, прямо следующие из него, которые и в последующем будут находить свое воплощение. Из этих тезисов, или составляющих общее сообщение утверждений, на втором шаге выведем то, что будет не прямо касаться Я и Другого, показав при этом, с одной стороны, как и в каком отношении могут неявно и полуявно характеризоваться с помощью выведенных утверждений один и второй. С другой стороны, и это будет ведущей задачей, поскольку должно будет подводить к представлению возникающих образов Я и Другого на основе сопровождающей каждый тезис оценки с позиций Качиньского, предстоит показать, каких составляющих каждый образ сторон все получаемое может касаться.

Первое, не по порядку, а по степени обобщения утверждение, призванное подействовать на сознание слушателей как принимаемый говорящим и им отстаиваемый политический и тактический принцип и одновременно с этим моральный императив, будет выглядеть приблизительно следующим образом:

– представители власти должны исходить в своих действиях из того, что может быть наихудшим из ряда предполагаемых как возможные варианты.

Данное утверждение затрагивает мотивирующую сторону принимаемой за основу стратегии и из этого разрабатываемых к реализации действий. Составляющими компонентами будут Представители власти (A^a, агентивно-аукторитативная³¹ часть) – Существующее как наихуд-

³¹ Лат. **auctōritas**, **-ātis** 1) суждение, мнение, взгляд; 2) совет, предложение; 3) внушение, наущение; 4) желание, воля, решение, предписание, приказание; 5) свобода

шее из возможных положение вещей (C^n , ситуативно-негативная часть) – Предполагаемое как необходимое руководство к действию (П, проективная часть).

A^a , если оно действительно и разумно (достойно и релевантно по отношению к занимаемой им власти), должно проявлять себя в своих действиях П, исходя из ситуации C^n , которую следует принимать за наилучшую: $A^a < (C^n) > П$, следует представлять как ' A^a исходит из C^n для П'.

Из чего далее следует, что 'Мы именно такая власть' и, применительно к Я, через тождество Я и Мы как группе своих сторонников при лидирующем и определяющем политику (Я – диспонент) положении Я в этой группе, будет следовать самохарактеристика и с этим в ней самооценка: 'Я дальновиден, поскольку готов всегда к наихудшему', а раз так, то 'политическое положение Я обеспечено и защищено, поскольку никакие неожиданности не могут его поразить'.

Второе утверждение, также по степени обобщения с возможностью и в дальнейшем к нему прибегать, будет касаться концептуальной экспертной поддержки со ссылкой на представителей мира науки и проводившиеся ими исследования:

– то, что говорится публично, независимо от общепринятости и от источника, следует подвергать сомнению, если оно свидетельствует не в пользу Мы и с этим Я, но делать это необходимо со ссылками на научных экспертов.

Опуская возможные по представленной перед тем процедуре подходы и опосредования, можно вывести следующее заключение: 'То, что Я не на пользу, свидетельствуя о его неспособности к власти, необходимо авторитетно опровергать'. Из чего будет следовать самохарактеристика и самооценка для Я: 'Я уверен в себе и в своих способностях в отношении власти, что объективно', ибо 'такое свое о себе представление постоянно готов подтвердить, находя поддержку в выводах и заключениях экспертов'.

Если первое утверждение рассматривалось как мотивирующее в отношении намечаемых и заявляемых действий, то это второе будет касаться прочно защищенной позиции, обеспечиваемой подбираемой экспертной поддержкой: 'Я достоин своей позиции по отношению к занятой власти, и это следует полагать объективным'.

Третье утверждение будет касаться причины и следствия: 'поскольку у власти Мы и с тех пор как у власти Мы, существующее положение вещей может быть только лучшим'. В отношении Я то же самое будет вы-

действия, возможность, право; 6) власть, положение, звание, влияние, вес, авторитет; 7) образец, способ, пример.

глядеть как характеристика не только способности, но и эффективности, Я проверен в реальном действии: 'Я у власти обеспечивает неизбежное улучшение существующего положения вещей'. В отношении самохарактеристики и самооценки из этого будет следовать то, что 'Я эффективен как обладатель власти, поскольку способен и компетентен', или 'Я – настоящий и несомнительный лидер для Мы, стоящих у власти'.

Получаемые мотивирующая, позиционная и результативная характеристики Я одновременно со своей как прямой, так и не только прямой экспликацией направлены действуют, через подразумеваемое противопоставление либо закладываемую инаковость, для Другого, в этом первом, начальном, высказывании, неявно характеризуя его по схеме 'если Я такой, то сидящий напротив и рядом соперник отнюдь не такой' (хотя бы уже потому, что «иной» и Другой). Складывается, тем самым, в дальнейшем получая развитие и свое подтверждение, в том числе и прямое, эффект обращенного представления. Говоря о себе, как прямо, так и не прямо, Я одновременно с этим сообщает нечто обратное о Другом, характеризуя его. И наоборот: говоря о Другом, Я намеренно или скрыто, но также намеренно, оценивает и определяет себя.

При этом, что показательно и не случайно, говорящий выбирает также и обращенный порядок отображения характеристик в высказывании, начиная с результативной, через позиционную переходя к мотивирующей. Что будет свидетельствовать об избираемом им тактическом ходе, направленном на аудиторию, но что в данном месте при стоящей задаче специально не будет нас интересовать, разве что в отношении вынесения на первое место смысла 'Я эффективен', 'позиция эта моя объективна и подтверждена' и мотивируется к тому же тем, что 'Я дальновиден и всегда готов к наихудшему'.

Обращаясь скрыто и не направленно в самом начале к Другому (видимо, не будет преувеличением предположить, что все, о чем бы ни говорил в своем выступлении в дебатах каждый из соучастников, так или иначе, будет касаться Другого, по заложенной, едва ли не самым жанром дебатов, мысли «если я так думаю и считаю, то мой оппонент так не думает или думает наоборот»), обращаясь к нему через свое результативное, позиционное и мотивируемое в сказанном «Я», Качиньски, опосредованно в этом начале, дает, пока что не ясную до конца, но подразумеваемую характеристику Туску.

Складывалась бы она из таких же трех положений: 1) «ему, моему сопернику и Другому, хотелось бы видеть сложившееся в результате двух лет нашего пребывания у власти положение таким, каким его сейчас представляют, поскольку ему это на руку и поэтому он солидаризуется с тем, что половина граждан живет ниже социального минимума», поскольку «он злостный опровергатель и критикан, критикует и опровергает не ради

правды и истины, а чтобы занять наше место у власти»; 2) «в этом своем убеждении он не только тверд и непоколебим, но и субъективно предвзят, вопреки утверждениям знающих свое дело экспертов, а потому и не заинтересованных и объективных»; 3) «если нам, как стоящим у власти, необходимо считаться с тем, что является наихудшим, и такое, невыгодное, в том числе для себя, положение вольно или невольно, но принимать в расчет, поскольку мы объективны и справедливы, то мой соперник так делать не будет, проявляя тенденцию к подстраиванию существующего положения вещей под свою выгоду, интересы и цели».

Мой соперник, Другой, в отношении Я в представлении Качиньского, тем самым, пока еще только предполагает не проговариваемые прямо черты свои как политика 'не объективно предвзятого, любыми средствами стремящегося к достижению власти манипулятора существующим положением вещей'.

В этой первой, начальной, части своего выступления Качиньски отталкивается от левой части ранее показанной семикомпонентной схемы, опираясь на компонент 'существующее положение вещей', говоря о себе через Мы (компонент 'говорящий'), непрямо о сидящем напротив 'сопернике', не непосредственно обращая свое выступление к 'аудитории' и соотнося ей известное 'негативное социальное представление о политике и политиках' с ним. Чем намечает в таком своем заявлении получающую в дальнейшем свое развитие и расширение характеристику сидящего рядом напротив как политика 'нечистого, амбициозного, не стесняющегося в средствах ради достижения поставленной цели, для которого власть самоцельна и самоценна, поскольку стремится он к ней для удовлетворения своих раздутых амбиций, а не во имя общественных интересов и общего блага'.

Ударными компонентами в этом начальном высказывании становятся 'существующее положение вещей', пропускаемое через компонент 'говорящий' с его обращением к тому, каким политиком следует быть – компонент правой части 'позитивный оптаив представления о политиках и политике', отождествляемый с Я, через неявное пока еще противопоставление этого и такого Я Другому, который, соотносясь с негативом социального представления о политиках, противопоставляется указанному позитиву. Из чего получается, что уже в самом первом, начальном, высказывании начинают взаимодействовать шесть из семи компонентов представленной схемы.

Седьмой компонент, поддерживаясь всем предыдущим и следуя из него, 'предлагаемое измененное состояние', появляется сразу же в следующем высказывании, развертывание которого в своей последовательности и результате содержит одновременное и параллельно качающееся от Я к Другому определение, характеристику и оценку обоих. Оценку и ха-

рактеристику Я как 'того, кто за цель избрал заботу о государственном и общественном благе, кто твердо знает, как это сделать, поскольку продумал, наметил, избрал, предложил верный путь, путь реальной политики, которая уже дала и дает свои результаты, путь, сочетающий быстрый рост и развитие, рост экономики и развитие социальной поддержки для беднейших, тех, кто не выиграл, а проиграл, потерял на проводившемся ранее росте без учета их интересов'.

И вместе с тем, параллельно и одновременно, оценку и характеристику, как прямо, так и через Я, Другого. Как того, кто, напротив, 'не знает, что действительно обществу нужно, точнее не хочет, не желает этого знать, отстаивая интересы групп, материально и финансово хорошо обеспеченных, а поэтому сильных и способных его поддержать, интересами общества, а тем более интересами слабых, пренебрегающих, т.е., фактически, интересами тех, кто по-настоящему требует поддержки от государства, кому она полагается, как остро нуждающимся в ней, ибо сами они с законами не регулируемой экономики, в силу отсутствия необходимых для этого средств, справиться не в состоянии'.

Из чего, уже с первых, начальных, фраз высказываний Качиньского начинает складываться и проступать не скрываемый и явный образ Я как 'защитника слабых и угнетенных', а соперника как 'беспринципного, отстаивающего интересы сильных ради удовлетворения своих амбиций политика'.

К характеристике средств реализации получаемых образов того и другого, о которых отдельно пойдет еще речь, необходимо также добавить, что задействованными при этом оказываются все семь компонентов, представленных ранее в схеме. в разных соотношениях, комбинациях и позициях, что может, при выведении отвлеченных от содержания моделей различных их сочетаний, составить предмет для отдельного рассмотрения и изучения того, как строятся те или иные высказывания в предвыборном языке политики, с учетом их целей, направленности и стоящих за этим тактических и не только тактических сверхзадач. Однако это не будет объектом нашего обсуждения, требуя объема с объяснением процедуры, сопровождающих уточнений и комментариев. в связи с чем мы лишь попутно указываем на такую возможность.

Свое ответное выступление Туск начинает с проводимой Качиньским и его сторонниками политики деления граждан на тех, кто поддерживает и кто не поддерживает провозглашаемые ими идеи, сводя это, впрочем, к подхватываемому им различению солидарного, т.е. просоциального, и либерального, свободного от вмешательства и контроля со стороны государства, подходов к обществу.

Обращает он это далее к тому, что настоящим умением и искусством в политике является не такое деление, ведущее к тому, что миллио-

ны поляков вынуждены эмигрировать, выбирая либеральную экономику в других странах, а способность и необходимость то и другое в своих политических действиях сочетать. Так, чтобы строить и организовывать либеральную экономику, свободную от регламентирований, жестких установлений и предписаний со стороны правительства, и проводить политику солидарную, основанную на поддержке незащищенных и слабых слоев населения.

В этих первых фразах своего выступления Туск намечает, давая при этом пока что неявно оценку, постепенно затем все более ясно и очевидно проступающий образ своего оппонента. Характеризует его как ‘политика неумелого, не способного и не желающего к проводимой и предлагаемой им политике подключить население всей страны, а потому разделяющего польское общество на своих и чужих, на тех, кто с ним соглашается и наоборот’. А, тем самым, определяет его как ‘человека конфликтного, подозрительного, по отношению к не своим настроенного неприязненно, относящегося к ним пренебрежительно и с предубеждением’.

Говоря это, он противопоставляет себя такому подходу и отношению к людям и польскому обществу в целом. За чем стоит представление о себе в отношении определяемого Я как о том, кто объединяет, а не разделяет, ко всем относится равно и без предубеждений, ищет поддержки у всех, а не только среди своих. Одновременно с этим он сообщает о том, что знает выход из существующего и поддерживаемого к тому же политикой оппонента положения вещей, ведущего к массовым выездам. Этот выход заключается в том, чтобы сделать, как у других, как в экономически развитых, основанных на либеральной политике, странах.

В этом своем заявлении Туск вместе с тем демонстрирует не понимающих данное положение политиков в Польше (тем самым, попутно оценивая и их, как элиты, не желающие понимать настоящих потребностей своих граждан, оторванные от общественных потребностей и действительных нужд), противопоставляя их тем, кому не надо этих столь очевидных истин втолковывать и объяснять, кто потому и уехал, что не увидел и не нашел на родине ничего из того, что давно построено и проверено и неизменно действует в развитых странах.

Предлагаемый им выход, объявляемый как рецепт, опирается на десятилетиями, реальный общественный опыт, не обнаруживающий к тому же тенденции к изменению, скорее, наоборот, – на стремление граждан в поисках достойного заработка и с этим уровня жизни покинуть страну и выехать за границу. Из чего, прямо следуя, выводится заключение, что изменить направление этого все более массового под управлением таких политиков, как его оппонент, движения польских граждан на Запад можно лишь при одном условии – сделать из Польши такую же, как другие, страну, экономически развитые и тем привлекательные.

Самохарактеристика Я пополняется представлением о том, кто не только знает давно назревшую, но от того не менее острую, а только растущую и усиливающуюся необходимость, но и прислушивается к мнению и голосам своих, в том числе и оказавшихся за границей, в силу сложившегося неудовлетворительного положения, граждан. Опираясь на них и принимая в расчет (что поддерживает дополнительно его собственные не одни только политические представления и убеждения), вместе с тем он показывает, что знает и понимает имеющуюся политическую реальность. Знает тех, кто думает по-другому, кто считает, что экономическая свобода им не нужна (не объясняет, однако, при этом и не говорит, почему, оставляя это «за кадром»), кого трудно поэтому переделать и убедить.

Из чего объективно следует вывод о том, что, с одной стороны, перестраивание и организация экономики на свободных началах – вопрос, прежде всего, политический, вопрос преломления сопротивления политиков и с ними борьбы. С другой, в свою очередь и как следствие, борьба эта будет нелегкой и трудной, а поэтому (в сказанном им в начале об этом не говорится, но появится прямо и непосредственно после и под конец дебатов) ему, как тому, кто стремится в ожидаемых выборах стать победителем, нужны будут не одни только голоса, но и в последующем также всеобщая, со стороны всех польских граждан, поддержка. Того, о чем он сейчас заявляет и что собирается, получив такую возможность, как будущий премьер предпринять.

Итак, сидящий с ним рядом напротив Другой как соперник в представлении Туска намечается в своей получающей развитие в последующем обрисовке как ‘тот, кто последовательно, намеренно и упорно делит польское общество на своих и чужих, потому что своих не надо ни в чем особенно убеждать, они и без того послушны и солидарны, кто как политик не склонен к свободному предпринимательству в экономике, поскольку это может лишить его рычагов контроля и управления, столь необходимых ему, чтобы быть у власти и руководить, и кто поэтому не умеет и не желает сочетать в им проводимой политике того, что идет от потребностей ищущего поддержки от государства населения, с тем, что действительно следует делать для изменения существующего неудовлетворительного экономического положения вещей’.

В свою очередь, Я, в таком же его представлении, обрисовывается постепенно как ‘тот, кто не склонен и не нуждается в том, чтобы делить, напротив, стремится сплачивать и объединять, кто знает и видит не только причины реального неудовлетворительного положения вещей, но и понимает, что стоит на пути к возможному его преодолению и достижению желаемого результата, кто не боится свободного предпринимательства, потому что оно ничем ему не грозит, кто в своих убеждениях и в предлагаемой программе солидаризуется с теми, кто хочет жить в обеспеченной

и свободной от связывающих профессиональную деятельность предписаний и ненужных ограничений стране’.

В этом начальном его выступлении ударными становятся два ведущих, сталкивающихся и противоположаемых компонента (согласно с ранее показанной схемой), – ‘существующее положение вещей’ и ‘предлагаемое измененное состояние’. На их основе и отталкиваясь от них, он как прямо, так и не прямо говорит о себе (компонент ‘говорящий’) и своем ‘сопернике’, обращаясь, через включение тех, кто уехал, а тем самым, и собирается выезжать, через употребление не случайного Мы (*Słyszeliśmy, u nas, w Polsce, Polacy, nad Wisłą*), к компоненту ‘аудитория’ за поддержкой (и находит ее).

Два оставшихся компонента, ‘негативное социальное представление о политике и политиках’ и ‘позитивный оптимизм представления о политиках и политике’, подразумевая, но прямо на них не указывая, относит внутренне к своему ‘сопернику’, но не прямо, а через его неумелое руководство и сопоставление с теми, кто не желает основ либеральной экономики понимать. Из чего будет следовать далее и уже сейчас представление о нем как о ‘регуляторе и контролере не только в политике, но и в отношениях с людьми’.

В свою очередь, представление о себе, через скрытое отнесение к этим двум компонентам, будет складываться из отрицания, точнее отказа, в своей политической деятельности от принципа «разделяй и властвуй» и из горячего желания осуществить ему хорошо известный и четко продуманный выход из неудовлетворительного положения вещей, с одной стороны, направленный на улучшение уровня жизни всего населения, с другой.

Сопоставляя приемы, используемые тем и другим говорящим в этих начальных своих выступлениях, стоит отметить, что, если Качиньски от левой ударной части показанной ранее схемы, в противопоставленном отношении ‘существующего (как развивающегося поступательно положительно, поскольку он со своими сторонниками у власти) положения вещей’ ‘негативному социальному представлению о политике и политиках’ (в лице либералов и Туска как защитников интересов обеспеченных слоев населения за счет бедных и слабых) переходит направленно к правой – ‘предлагаемому состоянию’ как продолжению начатого с ‘позитивом стоящего за всем этим представления о политике и политиках’, то Туск это делает по-другому.

Через резкое противопоставление двух верхних как ударных и основных компонентов – ‘существующего положения вещей’ и ‘предлагаемого к изменению состояния’, подразумевая и не прямо обращаясь через центральную ось (‘говорящий’ – поддерживающая его ‘аудитория’ – не признающий необходимость предлагаемых изменений ‘соперник’) к двум

нижним, 'негативу социального представления о политике и политиках' с 'позитивом обратного о том и другом представления'. О том, какой должна быть политика, действительно заботящаяся о людях, а не на словах, и каким должен быть политик, поставивший перед собой именно такие, а не другие задачи и цели, направленные на улучшение существующего положения, а не на то, чтобы только все регулировать и контролировать.

Говоря о средствах реализации каждым из выступающих сказанного, а в этом сказанном прямо не проговариваемого, но подразумеваемого, средства эти также следует разделить. Распределим их для начала по компонентам предложенной схемы.

Качиньски начинает с обращения к 'аудитории' (Proszę Państwa), переходя затем к 'существующему положению вещей' и представляя его обратным тому, как о нем заявляют (można oczywiście dyskutować, czy jest tak, bo ... jest inaczej), однако, как представитель действительной власти и 'говорящий', способный принять наихудшее, будучи подготовлен к нему, что содержит в себе элемент 'позитивного представления о политике и политиках' (my przyjmujemy ten wariant najczarniejszy, bo tak powinna czynić władza). После чего обращается к компоненту 'предлагаемое к изменению состояние', заявляя о нем как о безальтернативном (metoda jest jedna) и, тем самым, определяющим его Я как политика знающего (подразумеваемый компонент 'говорящий').

Компонент этот содержит одновременное представление о том, каким должен быть политик и какой должна быть политика (компонент 'позитива'), направленная на сочетание экономического и социального (szybki wzrost, ale połączony z rozwojem ... świadczeń społecznych, to znaczy zwrócenie się państwa także ku tej części społeczeństwa, która dotychczas na wzroście nie korzystała). С переходом от этого к Я через Мы своей группы (компонент 'говорящий' – To jest polityka którą prowadzimy), что может быть засвидетельствовано и подтверждено (prowadzimy realnie, można ją przedstawić w liczbach, sumach...). И от этого вновь обращение к 'позитиву представления о политиках и политике' как о себе 'говорящем' (przesuniętych z jednej strony do tej części społeczeństwa, która miała dotąd mówiąc najprościej gorzej). С переходом к 'существующему положению вещей' как очень хорошему (...można ją także pokazać poprzez bardzo dobrą sytuację gospodarczą, wszystkie wskaźniki gospodarcze w tej chwili są bardzo dobre).

После чего происходит движение в сторону 'негативного социального представления о политике и политиках' как тех, кто отстаивает интересы „grup najlepiej sytuowanych”, и проводит тот тип политики, который до этого, до правления Мы и Я 'говорящего', „doprowadził do masowego bezrobocia”, и при этом не просто, поскольку „później, po pewnej przerwie, znów doprowadził do masowego bezrobocia”. От чего (возвращаясь опять

к компоненту ‘позитивного оптатава политики и политиков’) происходит отождествление этого компонента с Я ‘говорящего’ как решительного борца с им указанным ‘негативом’ (trzeba odrzucić ten typ polityki ... Trzeba ... odrzucić politykę liberalną).

Итак, ‘аудитория’ в этом вступительном его выступлении как таковая им не используется, нейтрально бессодержательное обращение в самом начале „Proszę Państwa” служит дежурно не значащему привлечению внимания. Все остальное активно задействуется. Покажем это на схеме последовательного продвижения с представлением в насыщаемых смыслах:

Аудитория: [Существующее положение вещей – Говорящий (= Позитив представления о политиках) – Предлагаемое к изменению состояние = Позитив представления о политике и политиках – Говорящий (= Позитив представления о политиках) – Позитив представления о политиках (= Говорящий) – Существующее положение вещей] – Негатив представления о политиках и политике – Позитив представления о политиках (= Говорящий)

Нейтральное обращение: Не такое плохое, как о нем говорят – Готов (через Мы) принять наихудшее, поскольку так должен поступать настоящий политик – Может быть только одним – Сочетающим рост экономики с социальной поддержкой – Именно такую политику Мы и проводим, которая уже реально дает свои результаты – и мы уже это также и сделали – Экономическое положение очень хорошее – Отстаивающие интересы социально обеспеченных групп дважды довели страну до массовой безработицы – Необходимо решительно отказаться от либеральной политики, и Мы это делаем и предлагаем

Выступление Качиньского композиционно имеет рамочно-закольцованный (показан в квадратных скобках) в пяти своих компонентах вид, от ‘существующего положения вещей’ как ‘не такого плохого, как о нем говорят’, к ‘существующему положению вещей’ как ‘реальному и очень хорошему’, с завершающим и контрастирующим переходом к двум последующим как подводящим итог и противопоставляемым один другому ‘негативу’ и ‘позитиву’ о политиках и политике. Негативу, относимому к своему сопернику, и позитиву – к себе.

Помимо этого, пятикратно себя обнаруживающий ‘позитив представления о политиках’ служит подразумеваемо прозрачному отождествлению с Я ‘говорящего’, а ‘предлагаемое к изменению состояние’, также и в свою очередь, отождествляется с ‘позитивом’.

Используемые средства акцентуации и усиления в виде таких слов, как *oczywiście, najczarniejszy, bardzo* (dobrą sytuację, dobre wskaźniki), *wszystkie* (wskaźniki gospodarcze), *wyłącznie, masowego* (bezrobocia); категоричности (*bo tak powinna czynić władza; metoda jest jedna; To jest polityka którą prowadzimy; No jest jeszcze jedna strona* (w tej kwestii); *Trzeba*

zapobiec), противопоставления (*szybki wzrost, ale połączony z rozwojem*), повторов (*Szybki wzrost, czyli wzrost; można ... przedstawić ... można ... pokazać*; (który) *doprowadził do masowego bezrobocia*, (później, po pewnej przerwie, znów) *doprowadził do masowego bezrobocia*; *Trzeba zapobiec ... trzeba odrzucić*), повторов с подхватом и расширением (*rozwój, to znaczy rozwój świadczeń społecznych, to znaczy zwrócenie się państwa; polityka którą prowadzimy, prowadzimy realnie*), утробения с подведением итога (*Trzeba zapobiec ... trzeba odrzucić ... Trzeba po prostu odrzucić politykę liberalną*), – все эти средства, распределяясь, в зависимости от значения и передаваемой оценки, служат, в конечном итоге, такому самопредставлению Я, который уверен, знает и ситуацию, и положение, и своего противника, и что следует делать. Чем представляет себя как непререкаемый, опытный и проверенный руководитель и авторитет.

Туск, в свою очередь, начинает свое выступление как прямой ответ тому, что говорил перед этим Качиньски о либеральной политике, переводя его это заявление как своего ‘соперника’ в плоскость характерного для него разделения общества на своих и чужих. Иными словами, отталкивается от ‘негатива представления о политике и политиках’ (= ‘соперник’), с подключением к этому также ‘аудитории’ и с присоединением к ней своего солидарного Я ‘говорящего’ (*Słyszeliśmy*), собственно говоря, начиная с этого и переходя затем от ‘негатива’ как причины неумелого управления к ‘существующему неудовлетворительному положению вещей’, в результате которого поляки вынуждены выезжать за границу.

Подводя черту и говоря о возможном выходе, обращается к ‘позитивному оптативу представления о политике’ и, отвечая на поставленный перед обоими вопрос, переходит к ‘предлагаемому измененному состоянию’, говоря о том, что надо сделать, чтобы данное неудовлетворительное положение вещей изменить. В этом месте он вводит еще один компонент, ‘говорящего’, непосредственно упоминая себя и тех, кто это знает и понимает на собственном опыте (*ja to powtarzam ... nie muszę już tego powtarzać, bo to oni mnie właściwie mówili*), т.е., тем самым, обращается к потенциальной ‘аудитории’.

После чего, говоря об этой ‘аудитории’, преподносит ‘существующее положение вещей’ обобщенно, как результат все того же ‘негатива политики и политиков’, соотносимого с тем, что было, и с тем, что далее есть, отождествляя, тем самым, его со своим ‘соперником’. Завершает свое выступление прямым подключением компонента Я ‘говорящего’ (*ja znam receptę, ja znam dobrą odpowiedź na to pytanie*), сопоставляя и соотнося его с ‘предлагаемым к изменению состоянием’, противопоставляемым ‘существующему положению вещей’ как следствию ‘негатива политики’.

Схема движения, соответственно, будет выглядеть следующим образом:

[Аудитория (= Говорящий) – Негатив представления о политике и политиках (= Соперник) – Существующее положение вещей – Позитив представления о политиках – | Предлагаемое измененное состояние – Говорящий (= Аудитория) (= Позитив представления о политиках) – Предлагаемое к изменению состояние = Позитив представления о политике и политиках – | Говорящий (= Позитив представления о политиках) – Аудитория – Существующее положение вещей – Негатив представления о политиках и политике (= Соперник)] – Говорящий (= Предлагаемое измененное состояние) – Существующее положение вещей (= Негатив представления о политике и политиках)

Солидаризирующееся, связанное сочетание – Стремление разделять на своих и чужих и неумение управлять экономикой – Приводит к массовым выездам за границу – Умение сочетать и объединять солидарную политику и либеральную экономику – Сделать так, как это сделано в экономически развитых странах – Это и есть задача политики – Я это знаю и знают вместе со мной все те, кто уехал или собирается это сделать – Неудовлетворительное положение длится десятилетиями и является следствием непонимания и нежелания освободить экономику от регуляции сверху – Такой была предшествующая политика и такой видит политику мой противник – Я предлагаю – Строить экономику на либеральной основе – А не продолжать поддерживать то положение, которое приводит к массовым выездам за границу – Как это делает мой противник

В композиционном отношении выступление Туска также имеет первую часть (показана в квадратных скобках), отталкивающуюся от солидаризирующегося подключения аудитории и затем получающую развитие в двух составляющих (разделенных вертикальной чертой) компонентах, связываемых по принципу подхватывающего развития и уточнения. Завершается его выступление контрастирующе-отождествляющим представлением двух компонентов – ‘говорящего’ с ‘предлагаемым к изменению состоянием’, с одной стороны, и ‘существующего положения вещей’, сочетаемого с ‘негативом политики’, с противоположной.

При этом, если выступление Качиньского имело рамочно-окольцованный вид с двумя контрастирующими в конце ударными компонентами вывода, то у Туска оно строится на другом основании. Это, скорее, волнообразно поступательное, передаваемое в трех толчках, сообщение, завершаемое также двумя контрастирующими, но по принципу два в одном, т.е. с отождествлением, компонентами заключаемого вывода.

В отличие от Качиньского Туск как ‘говорящий’ последовательно солидаризируется с ‘аудиторией’, ее упоминание в его речи неоднократно и имеет сквозной характер. При этом, если Качиньски как ‘говорящий’ отождествляет себя с ‘позитивом представления о политиках’, то у Туска отождествление ‘говорящего’ осуществляется на другой основе, согла-

суясь с 'предлагаемым к изменению состоянием'. 'Соперника', в свою очередь, он, отождествляя, соотносит как с 'негативом представления о политике и политиках', так и с 'существующим неудовлетворительным положением вещей'

Что касается средств экспрессивного представления, Туск использует Мы отождествления со слушателями и своей группой (*Słyszeliśmy*), повторы и удвоения (*dwa lata ... w ciągu tych dwóch lat ... blisko 2 mln Polaków; Pyta Pani, pyta Pani; żeby, żeby* Polacy nie wyjeżdżali, *żeby* to minimum socjalne; *ja to powtarzam ... nie muszę ... powtarzać; i politykom w Polsce ... tym, którzy wyjechali; w Wielkiej Brytanii czy w Irlandii; ja znam receptę, ja znam dobrą odpowiedź; Zrobić Irlandię, zrobić Anglię*), в том числе с расщеплением одного на два и соединением два в одном (o *tym podziale na Polskę solidarną i Polskę liberalną; mieć liberalną gospodarkę i solidarną politykę*), а также утроением и противопоставлением (*uciekają z jakiegoś kraju do innego, to uciekają od socjalizmu do liberalizmu, zawsze uciekają od spętanej przepisami gospodarki do swobodnej gospodarki*), подчеркивающие важность либо обращающие внимание слушателей лексические (*już* два lata temu; o *tym* podziale; w ciągu *tych* dwóch lat; *niestety* nie u nas; *Prawdziwą* sztuką jest; *tak* upokarzające; *niestety* rzadko to rozumieją; nie muszę *już* tego powtarzać, bo to oni mnie *właściwie* mówili; na *takich* zasadach, na *jakich* funkcjonuje *właśnie* w Wielkiej Brytanii; jak inne nacje od *kilkudziesięciu* lat; zrobić Anglię *tutaj* nad Wisłą; nie wyrzucać naszych ludzi za granicę) и фразеологические элементы (*Nie trzeba okrywać Ameryki; ja znam receptę*), парафразы (zrobić Anglię *tutaj* nad Wisłą; nie wyrzucać naszych ludzi za granicę), непосредственное обращение к собеседнику (*Panie Premierze, niech Pan zwróci uwagę; Pyta Pani*), развернутые перечисления (*W Irlandii, Wielkiej Brytanii, w Szkocji, w Stanach Zjednoczonych, Holandii, w Hiszpanii*).

В отличие от Качиньского средства эти он использует более разнообразно, подчеркивая самые разные компоненты, в первую очередь, при характеристике неудовлетворительного 'положения вещей', определении 'негатива политики и политиков', 'предлагаемого к изменению состояния', а также включения себя как 'говорящего', который знает и предлагает разумный выход.

Анализируя все дальнейшее в выступлениях того и другого участника, обратим внимание, к тому же выборочно и только в первом круге вопросов, лишь на те места и фрагменты, в которых содержится более или менее ясная, четко просматриваемая и непосредственная характеристика Я говорящего и сидящего рядом напротив 'соперника' и собеседника в том же самом лице как Другого. Поскольку внутренний механизм подтекстов и контекстов связи себя как 'говорящего' и как Я с компонентами ранее показанной схемы, равно как и своего 'соперника' как Другого, относимого к 'негативу', тому, что отрицается и отвергается, с показом его как

«иного» и не понимающего либо не желающего понять, – поскольку механизм этот на анализе двух вступительных выступлений был отражен, постольку в дальнейшем от этого отойдем, тем более, что объяснения и комментарии к полной в своем представлении аналитической процедуре заняли бы немалое место.

Выведенное на этом представленном основании в соединении с тем, что было показано на материале вступительных выступлений, позволит определить, получив в конце, четыре соотносимых образа, сопровождаемых оценкой и представляемых в признаках, распределяемых в каких-то позициях. Образы Я и Другого в отображении каждого из двоих, которые, с учетом указанных, в том числе семантических, признаков (как семантические их вывести и показать еще предстоит), распределяемых по позициям, будут показаны в соотношениях. В сочетании и соединении этих признаков по позициям можно было бы далее говорить о конструкциях и моделях, а тем самым, и о моделирующем и конструирующем³² действии политического языка в своем предвыборно-дебатирующем, как в данном случае, проявлении.

Туск: Gospodarka, z mojego punktu widzenia, to przede wszystkim portfele zwykłych ludzi. ... Wybrałem sześć najbardziej potrzebnych, najbardziej typowych artykułów podstawowych.

Я как политик близок к обычным людям, знаю их потребности, прежде всего финансовые и материальные.

Czy pan premier ... wie, ile podróżowały naprawdę podstawowe dla ludzi niezamożnych artykuły w ciągu dwóch lat waszych rządów. ... ile według pana pielęgniarka po 20 latach pracy dostaje na rękę.

Другой как политик далек от них, не ориентируется и не разбирается в этом, поскольку его это не интересует.

Качиньски: ... ten wzrost, który zapewniliśmy po raz pierwszy od wielu lat, to był wzrost przeciętnie o 30 procent. ... w tej chwili płacy pielęgniarek typu 800 zł ... już po prostu w Polsce nie ma. Ten wzrost cen, o którym pan mówił, jest wzrostem kilkunastoprocentowym. Przy czym, jeśli wziąć pod uwagę realny wzrost пłак, to on wynosi 18 procent.

Я как политик и как премьер могу заверить, что наше правление исключительно и дает стабильные и уверенные результаты. Заботимся мы и о наименее оплачиваемых.

...jeżeli pan pyta o takie rzeczy, to ja bym panu jednak przypomniał to co działo się za panów rządu ... 969 tysięcy ludzi straciło pracę. Później ... prawie

³² О моделировании и конструировании в СМИ и, тем самым, в языке политики пишет, в частности, О.Ф. Автохутдинова в своей диссертации («Другой» как персонаж в СМИ...).

300 tys. ludzi straciło pracę. Później był cud gospodarczy ... kiedy to wy rządziliście gospodarką. Znow bezrobocie wzrosło ogromnie, prawie dwukrotnie. ... jeżeli pan zadaje takie pytania, to pan po prostu wkłada pewien kostium. No pan realizował zawsze zupełnie inne interesy niż interesy pielęgniarek.

Другой как политик не искренен и вовсе не представляет интересы низкооплачиваемых. Его правление и правление таких, как он, характеризовало пренебрежение к нуждам людей и безразличие к их судьбам.

Туск: Cieszę się, że ociepla pan prezes nasze relacje. Drogi panie Jarosławie.

Я не принимает подобного обвинения и оборачивает сказанное в сторону личностных отношений, будучи готовым увидеть в сказанном интерес к своей особе и, тем самым, теплоту со стороны собеседника, отвечая ему тем же.

Dwa pytania, dwie błędne odpowiedzi. Jeśli chodzi o wzrost cen, to nie jest kilkanaście procent, bo chleb tak – 15 proc., ziemniaki – 33, gaz ziemny – 21 proc., jabłka – 83 proc., kurczaki – 65 proc. To jest podwyżka cen tych podstawowych artykułów od stycznia 2006 do lipca 2007. Nie ma w Skrażysku-Kamiennej, gdzie sięgnąłem po dane, pielęgniarki, która zarabiałaby tysiąc kilkaset zł.

Другой как политик и как премьер не знает действительных результатов своего правления, поскольку его это не интересует.

Качиньски: ... pan kiedyś twierdził ... że słabością naszej polityki, Polski w ogóle tej po '89 roku, jest ustępowanie naciskom, że trzeba zdecydowanie zredukować rolę związków zawodowych, że ... nawet wielkie bezrobocie w żadnym razie nie powinno ograniczać zwolnień z pracy np. nauczycieli na wielką skalę. Czy pan w dalszym ciągu podtrzymuje te przekonania?

Другой как политик не просто не представляет интересы бедных людей, но и ни перед чем не останавливается в достижении цели.

Туск: ... dobra władza nie może ustępować grupom nacisku tylko dlatego, że są bardzo silne. ... Prawdziwą sztuką jest rozmawiać ... z każdym człowiekiem.

Я как политик считаю, что власть не только должна учитывать интересы каждого, в том числе и беднейших, но и уметь находить с этим каждым общий язык.

Pan dość szybko i bez walki ustąpił bardzo silnym demonstracjom górniczym. Natomiast, kiedy przyszły pielęgniarki ... to wysłał pan policję ... Pan dzisiaj ... nie jest symbolem dialogu z grupami społecznymi. ... pańska władza stała się dialogiem buty i arogancji wobec słabych grup. ... proponowałbym panu ... aby pan krytycznie spojrział na swoją praktykę rządzenia, bo to jest coś, co możemy dotknąć, a nie na wywiady sprzed kilkunastu lat.

Другой как политик уступает сильным и относится с пренебрежением к слабым, не считаясь с ними и прибегая к силе вместо диалога и слов.

У него как политика расходятся слова и дела, к тому же он обращает внимание на то, что кем-то говорилось давно, не замечая того, что в настоящее время делает сам.

Качиньски: My nie mieliśmy żadnych demonstracji górniczych i to jest nasz sukces. My tolerowaliśmy przez wiele tygodni demonstrację pielęgniarek ... i to jest najlepszy dowód, jak bardzo jesteśmy otwarci ... i przede wszystkim ... myśmy ogromnie zwiększyli wydatki na służbę zdrowia ... nikt inny przedtem niczego takiego nie zrobił.

Я как политик и как премьер считает, что положение под его правлением благополучно, правительство готово разговаривать с каждым, резко возросли расходы на службу здоровья, что свидетельствует в пользу заботы о людях, и в этом Мы исключительны также.

... pan zaproponował w 2005 roku ... radykalne ograniczenie wydatków budżetowych, co oznaczało radykalne cięcia socjalne, co oznaczało też obniżenie pensji ... i ... obniżenie popytu stopy życiowej, a więc także obniżenie wzrostu.

Другой как политик предлагает меры, которые ведут к снижению не только уровня жизни простых людей, но и, в конечном счете, к спаду самой экономики. Тем самым, он и радикален, и недалновиден, поскольку подобные меры могут быть действенны лишь на короткий момент.

Туск: ... muszę powiedzieć ... że wykazał pan wyjątkową odwagę, zadając pytanie o konieczne cięcia budżetowe. Ja chciałem sprostować ... bo widzę pewien brak orientacji, jeśli chodzi o to, kto naprawdę ... dał więcej pieniędzy na służbę zdrowia. To nie rząd. To jest wzrost składki. ... Jeśli pan mówi o tym, że o tyle miliardów więcej, a przypominam, że z naszych kieszeni ... to gdzie jest poprawa w ochronie zdrowia? ... dlaczego jest tak źle? Gdzie są te pieniądze? ... I druga rzecz ... Cięcia budżetowe tak, ale w odniesieniu ... do biurokracji centralnej, do polityków i do władzy, którą pan dzisiaj reprezentuje. Najdroższej władzy w Europie.

Другой как политик и как премьер склонен приписывать себе и своему правлению те заслуги, которые достигаются вкладом целого общества. Мало этого, он не умеет и не способен либо намеренно не желает использовать общее достояние по назначению и на пользу всем, переводя его на свои административные нужды, раздувая, тем самым, центральную власть и делая ее самой дорогой в Европе.

... trzy miliony mieszkań. ... proszę niech pan ludziom powie, gdzie są te mieszkania?

Другой как политик склонен давать, ради достижения своих политических целей, не выполнимые обещания.

Качиньски: Pan mnie pyta o program na osiem lat po dwóch latach. ... wszystko zostało przygotowane ...

Я как политик хорошо понимает, что строительство требует времени. Об обещанном не забывает, свидетельством чего является проведение подготовительного этапа работ.

... tylko wyście nie chcieli uchwalić ustawy, chociaż prywatnie mówili ... że ona niezmiernie podtrzyma ... i rozwinie budownictwo mieszkaniowe.

Другой как политик, вместе со своими сторонниками, говорит то, что на общую пользу, а при принятии конкретных решений не способен поступиться интересами своей партии, торпедируя то, что требует общей поддержки, только потому, что это исходит от лагеря политических оппонентов.

Туск: Niech pan mi wierzy na słowo, ja kiedyś budowałem dom, że dom buduje się z cegieł, przy pomocy sprzętu, łopaty, a nie przy pomocy walki z układami.

Я знает жизнь с материально-конкретной ее стороны, знает, что и как делается, чтобы что-либо получилось.

Dane statystyczne, bo pan ucieka od konkretów, są kompromitujące dla was. W roku 2005 i 2006 nie było żadnego postępu ... Nie zrobiliście dokładnie nic.

Другой от жизни и от конкретной ее стороны далек, не знает, что и как надо делать, потому и нет никакого прогресса и не было ничего сделано за весь период его правления.

Jakby się pan zainteresował kupnem mieszkania, to by pan wiedział jak naprawdę wyglądają ceny po dwóch latach waszych rządów.

Другой человек обеспеченный и ни в чем не нуждающийся, а потому и не знающий, что почем. По этой причине и правление его нерентабельно и никак не учитывает не только интересы и нужды людей, но и их финансовые возможности.

Co do autostrad ... Te słynne 500 metrów autostrady otwartej przez pana ministra Polaczka. ... mam takie wrażenie ... że wy czasami jeździcie i przecinacie wstęgi, i wam się wydaje, że dzięki temu Polacy jeżdżą po autostradach. Tempo budowy autostrad w Polsce to jest 7 kilometrów zbudowanych przez was autostrad. W Hiszpanii dróg ekspresowych i autostrad w ciągu roku buduje się prawie 1000 kilometrów. ... pan minister Polaczek na dwa lata wstrzymał budowę autostrady A-1, ponieważ wydawało mu się za drogo. Po dwóch latach sąd kazał wrócić do wykonawcy, ale jest prawie dwa razy drożej. ... Nie ufacie ani sobie, nie ufacie Polakom, nie ufacie partnerstwu publiczno-prywatnemu ... zatrzymaliście budowę, teraz zapłacicie o wiele więcej, ale dwa lata zmarnowaliście. Przez dwa lata nie zbudowaliście praktycznie nic.

Другой как политик в экономическом отношении недалек и слеп, не понимает того, что потерянное время – это не только потерянные возможности, но и двойные потом расходы. К тому же он не доверяет не только обычным людям, но и своему окружению и тем, кто способен

задуманное и обещанное реализовать. Ничего не делается также и потому, что он не умеет, в силу своей подозрительности, сотрудничать и работать с людьми. Внимание вместе с тем уделяется самовыставлению и показу практически ничего не значащих достижений, в то время как то, что и как действительно выглядит с позиции граждан, он плохо себе представляет, поскольку принадлежность к элите и власть его от них отгораживают.

Качиньски: Wyście stworzyli ten system ... autostrad nie ma, za to są miliarderzy. ... pod tym względem jesteście bardzo dobrzy. My ten system zmieniamy ... i każdy, kto jeździ dzisiaj po Polsce widzi w ilu miejscach różne rzeczy się buduje ... Uruchamiamy także wielki program budownictwa autostrad, tylko program uczciwy. Nie taki, żeby ktoś miał na tym robić miliardowe fortuny. ... powstrzymujemy ten proces, który doprowadził ... do tego, żeśmy się praktycznie nie posunęliśmy do przodu.

Я как политик последователен и эффективен, результаты его правления на лицо. Одна из главных задач его правления вместе с тем состоит в том, чтобы исправить то, что было испорчено, что вместо того, чтобы приносить всему обществу пользу, приводило к необоснованному обогащению и концентрации многомиллиардного капитала в руках частных лиц.

... popierał pan bardzo zaciekle ten rząd ... to wszystko prowadziło do tego, że w Polsce żadne zbiorowe przedsięwzięcie było niemożliwe do przeprowadzenia. To jest ... III Rzeczpospolita, my budujemy IV i będą autostrady. *(Koniec pierwszej rundy)*

Другой, в свою очередь, именно тот, кто способствует накоплению баснословных состояний частными лицами за счет общественных интересов и нужд, что и привело, в конечном итоге, к отсутствию на сегодняшний день каких-либо положительных результатов не только в строительстве автострад.

Я берется за то, чтобы сложившееся положение исправить, изменив при этом сами основы сложившегося государственного устройства.

Остановимся на этом в анализе приводимых высказываний, не доводя его до конца, что, заняв много места, мало что дало бы концептуально в общем сложившемся представлении. Количество выводимых признаков в результате полного описания, может быть, и возросло, хотя были бы и несомненные повторения, и они таковые есть, однако свою задачу мы видели, в первую очередь, в том, чтобы продемонстрировать принцип и процедуру, на основе выступлений полемизирующих участников в условиях предвыборных дебатов, отображения того, что действительно каждый из них говорит о Я и Другом, как оценивает и как характеризует Я и Другого с помощью ответно-вопросных высказываний, ограничиваемых как во времени, так и в тематически-содержательном отношении.

Для начала представим получившиеся в результате признаки в двух последовательно-параллельных таблицах без сколько-нибудь основательной обработки и в сложившемся на основании приводимых высказываний порядке:

<i>Качиньски</i>	
Я	Другой
<p>Дальновиден, поскольку готов всегда к наихудшему</p> <p>Политическое положение его обеспечено и защищено, поскольку никакие неожиданности не могут его поразить</p> <p>То, что свидетельствует о его неспособности к власти, необходимо авторитетно опровергать</p> <p>Уверен в себе и в своих способностях в отношении власти и такое о себе представление постоянно готов подтвердить, находя поддержку в выводах и заключениях экспертов</p> <p>Достоин своей позиции по отношению к занятой власти</p> <p>С тех пор как у власти, существующее положение вещей может быть только лучшим</p> <p>Обеспечивает неизбежное улучшение существующего положения вещей</p> <p>Эффективен как обладатель власти, поскольку способен и компетентен</p> <p>Настоящий и несомнительный лидер</p> <p>За цель избрал заботу о государственном и общественном благе, твердо знает, как это сделать, избрал верный путь политики, которая дает свои</p>	<p>Солидаризуется с теми, кто против правительства лишь потому, что оно не его</p> <p>Критикует и опровергает не ради правды и истины, а чтобы оказаться у власти</p> <p>Непоколебим и субъективно предвзят вопреки утверждениям экспертов</p> <p>Намеренно искажает существующее положение вещей во имя собственных интересов и целей</p> <p>Любыми средствами стремится к власти, манипулируя при этом существующим положением вещей</p> <p>Как политик нечист, амбициозен, не стесняется в средствах, власть для него самоценна, стремится он к ней для удовлетворения своих раздутых амбиций, а не во имя общественных интересов и общего блага</p> <p>Отстаивает интересы обеспеченных групп населения, интересами слабых пренебрегая</p> <p>Беспринципный политикан</p> <p>Не искренен и не представляет интересы низкооплачиваемых</p> <p>Его правление характеризует пренебрежение к нуждам людей и безразличие к их судьбам</p> <p>Не просто не представляет интересы бедных людей, но и ни</p>

<p>результаты, сочетающий рост экономики и развитие социальной поддержки</p> <p>Защитник слабых и угнетенных</p> <p>Правление его исключительно и дает стабильные и уверенные результаты</p> <p>Заботится он и о наименее оплачиваемых</p> <p>Считает, что положение под его правлением благополучно</p> <p>Как премьер готов разговаривать с каждым</p> <p>Проявляет заботу о людях, и в этом в политике выгодно отличается от других</p> <p>Своих обещаний не забывает и делает все для их претворения в жизнь</p> <p>Последователен и эффективен</p> <p>Свою основную задачу видит в том, чтобы исправить испорченное другими</p> <p>Борец с несправедливым обогащением за счет общественных нужд</p> <p>Готов изменить ради этого основы государственного устройства</p>	<p>перед чем не останавливается в достижении цели</p> <p>Предлагает меры, которые ведут к снижению не только уровня жизни простых людей, но и, в конечном счете, к спаду самой экономики</p> <p>Радикален и недалёковиден</p> <p>На словах говорит то, что на общую пользу, а на деле не способен поступиться интересами своей партии</p> <p>Готов торпедировать то, что требует общей поддержки, только потому, что это исходит от оппонентов</p> <p>Способствует несправедливому обогащению предпринимателей за счет общественных интересов</p>
--	---

Туск	
Я	Другой
<p>Не склонен и не нуждается в том, чтобы делить, напротив, стремится сплачивать и объединять</p> <p>Знает и видит не только причины реального неудовлетворительного положения вещей, но и понимает, что стоит на пути к достижению желаемого результата</p> <p>Не боится свободного предпринимательства, потому что оно ничем ему не грозит</p>	<p>Неумелый и не способный политик</p> <p>Делит всех на тех, кто его поддерживает и на тех, кто его не поддерживает</p> <p>Конфликтен и подозрителен, по отношению к не своим неприязнен, пренебрежителен и предубежден</p> <p>Не склонен к свободному предпринимательству</p> <p>в экономике, поскольку это</p>

<p>Близок к обычным людям, знает их потребности, прежде всего финансовые и материальные</p> <p>Готов вести разговор с соперником в теплой и дружеской обстановке, несмотря на противоречия и негативное к нему отношение</p> <p>Считает, что власть не только должна учитывать интересы каждого, в том числе и беднейших, но и уметь находить с этим каждым общий язык</p> <p>Знает жизнь во всех ее проявлениях, в том числе и с материальной ее стороны</p> <p>Знает, что и как надо делать, чтобы получить желаемый результат</p>	<p>может лишить его рычагов контроля и управления</p> <p>Ему необходимо быть у власти и руководить, поскольку он себя без этого не представляет</p> <p>Не умеет и не желает сочетать в политике того, что идет от потребностей необеспеченных граждан, с тем, что следует делать для изменения неудовлетворительного экономического положения</p> <p>Регулятор и контролер не только в политике, но и в своих отношениях с людьми</p> <p>Далек от обычных людей, не ориентируется и не разбирается в том, как они живут, поскольку его это не интересует</p> <p>Не ориентируется в действительных результатах своего правления, поскольку его это не интересует</p> <p>Уступает сильным и относится с пренебрежением к слабым, не считаясь с ними и прибегая к силе вместо диалога и слов</p> <p>У него расходятся слова и дела</p> <p>Обращает внимание на то, что кем-то говорилось давно, не замечая того, что в настоящее время делает сам</p> <p>Склонен приписывать себе чужие заслуги</p> <p>Не умеет и не желает использовать общее достояние по назначению, переводя его на свои административные нужды, раздувая, тем самым, центральную власть</p> <p>Ради достижения своих целей дает не выполнимые обещания</p>
--	--

	<p>От конкретной жизни далек Не знает, что и как надо делать для достижения нужного результата Нет никакого прогресса и ничего не делается полезного за весь период его правления Человек обеспеченный и ни в чем не нуждающийся, а потому и не знающий, что почем Правление его нерентабельно и не учитывает не только интересы и нужды людей, но и их финансовые возможности В экономическом отношении недальновиден и слеп Не понимает, что потерянное время – это не только потерянные возможности, но и двойные потом расходы Не доверяет ни обычным людям, ни своему окружению, ни тем, кто способен действовать Подозрителен и не умеет сотрудничать и работать с людьми Самовлюблен и склонен к самовыставлению Принадлежность к элите и власть отгораживают его от людей</p>
--	---

Первое, что сразу же можно отметить, поскольку достаточно очевидно, бросаясь в глаза, это то, что, если в представлении Качиньского характеристика Я занимает несколько большее место, хотя приблизительно равна Другому, то у Туска это выглядит далеко не пропорционально. Характеристика Другого намного более основательна и распространена по сравнению с определением Я. Объяснить это можно двумя причинами: оборонительной позицией первого и наступательной у второго, с одной стороны. с другой, в свою очередь, речевыми привычками и предпочтениями. Если первый привык говорить о себе и намного реже говорит о других, то второй, напротив, о себе говорит немного, в то время как тех, с кем не соглашается, стремится представить разносторонне и обстоятельно.

Не имея проанализированного последовательно материала других выступлений обоих политиков, выводов в указанном отношении делать не будем, приняв за основу то, что позиция премьер-министра действующего правительства может предопределять позицию оборонительную. В то время как его соперника и претендента на ту же должность – наступательную, заряженную критически и обличительную.

Следующим шагом в подведении итогов, направленных к представлению образов Я и Другого в отражении и исполнении каждым, будет возможное обобщение на основе полученных признаков в виде четырех соотносимых позиций. После чего, оттолкнувшись от них, можно будет получить вероятные построения, близкие к конструирующим моделям для Я и Другого применительно к каждому из двух выступавших.

<i>Качиньски</i>	
Я	Другой
Предусмотрителен и дальновиден Уверен в себе и своих способностях Достоин быть лидером Эффективен и компетентен Надежный защитник слабых Во всех этих признаках исключителен Открыт и искренен Верен данному слову и в этом последователен Знает как и берется исправить испорченное другими общественное положение	Беспринципен Власть для него самоцельна Предвзят и фальшив Не стесняется в средствах Нечист и амбициозен Держит сторону сильных, уничтожая при этом слабых Радикален и недальновиден На словах говорит об общественной пользе, а на деле отстаивает свои, групповые и партийные интересы

<i>Туск</i>	
Я	Другой
Не делит, а сплачивает и объединяет Хорошо ориентированный и осведомленный политик Близок к обычным людям и знает их нужды Открыт и свободен не только в общении с каждым, но и в политическом отношении	Неумелый и не способный политик Делит всех на своих и чужих Конфликтен и подозрителен, по отношению к не своим неприязнен, пренебрежителен и предубежден Привык и любит все и всех контролировать и управлять

Знает жизнь в самых разных ее проявлениях, а потому последователен и результативен	Властен и самовлюблен Далекий от жизни обычных людей, не знает их нужд и потребностей Уступает сильным, с пренебрежением относится к слабым Прибегает к силе вместо диалога и слов Слова расходятся с делами Злопамятен по отношению к другим и субъективен в оценке и представлении себя Склонен приписывать себе не свои заслуги Много обещает, но ничего не делает Расточителен и не экономен в отношении государственных фондов Склонен к самолюбованию и самовыставлению
--	--

Характеристика Качиньским в отношении Я складывается из двух последовательных и взаимодействующих кругов. в первом круге он предстает во всех отношениях исключительным (А), поскольку эффективен и компетентен (В), предусмотрителен и дальновиден (С), а потому достоин быть лидером (D). Во втором, как надежный защитник слабых (А), открытый и искренний (В), верный данному слову (С), знающий и берущийся исправить испорченное другими общественное положение (D).

Первая позиция в каждом из двух этих кругов выступает как вбирающая в себя все остальные и их охватывающая по общей схеме $A > (B < C) > D$. Первый круг характеризует его как исключительного человека и достойного лидера. Второй – как общественного и политического деятеля. Сочетаясь между собой и согласуясь друг с другом, круги содержат позиции включения в отношении А, обобщения в отношении D, мотивирующей предрасположенности в отношении С и поддерживающего ее расширения в отношении В.

Характеристика им Другого обращается не вокруг его личностных качеств, а как недостойного во всех отношениях претендента на власть, что, не называясь прямо, стоит за всем остальным и можно рассматривать как включающее и обобщающее положение. Иными словами, как позицию

А. Другой потому недостоин власти (А), что, как политик, беспринципен (В), амбициозно нечист (С), предвзят и фальшив (D), не стесняется в средствах (Е) и власть для него самоцельна (F). Это будет круг объясняющей его недостойность причины. И тогда второй – полагаяемого следствия, как деятеля: поскольку он держит сторону сильных, уничтожая при этом слабых (G), то всегда только на словах говорит об общественной пользе, в то время как на деле отстаивает партийно-групповые интересы (I), и в этом он, а также и потому радикален и недальновиден (K).

Получаемая схема будет выглядеть приблизительно так: $A/>\{[(B+C+D+E)<F]\leftrightarrow(G>I)>K\}$. И это будет схема двухтактно организованного развертывания, по принципу внутреннего распространения в каждом, в устройстве 1(5+3). в отличие от схемы двухтактно циклического отображения в отношении Я. Если иметь в виду заложенную в каждое из устройств интенциональность, то характеристику Я можно было бы определять как защитно-поддерживаемую (цикл + еще один и такой же, подтверждающий, цикл). В то время как характеристику для Другого – как нацеливаемо-выталкиваемую в двух последовательно направляемых с подхватыванием и расширением конструкциях 5 + 3.

В свою очередь, характеристику Туском для Я можно построить как подводимое к обобщению развитие, состоящее из двух тесно связываемых и удвоенных утверждений: поскольку открыт и свободен не только в общении с каждым, но и в политическом отношении (В), не делит, а сплачивает и объединяет (С), будучи близок к тому же к обычным людям и зная их нужды (D), зная также и потому жизнь в самых разных ее проявлениях (Е), в связи с чем последователен и результативен (F), и по этим причинам хорошо ориентированный и осведомленный политик (А). Что давало бы в организуемой схеме приблизительно следующий вид: $[(B>C)\leftrightarrow(D>E)>F]>A$. И тогда это было бы двухтактное поступательно развивающееся удвоенное представление с обобщающе-мотивирующим компонентом в конце. Интенциональность подобного построения можно представить как наступательно-убежденную.

Характеристику Туском Другого можно представить в виде двух сходящихся и расходящихся одновременно кругов с находящимся между ними третьим. Первые два состоят из дважды по три, третий – из двух компонентов. Первый удвоенный круг характеризует Другого как политика и как человека, второй – как общественного и политического деятеля, третий, между ними, – связующий и объясняющий как первое, так и второе.

Первый круг, соответственно, состоит из таких дважды по три положений: делит всех на своих и чужих (В), конфликтен и подозрителен, по отношению к не своим неприязнен, пренебрежителен и предубежден (С), злопамятен по отношению к другим и субъективен в оценке и пред-

ставлении себя (D), а также привык и любит все и всех контролировать и управлять (E), властен и самовлюблен (F), склонен к самолюбованию и самовыставлению (G).

Второй аналогичным образом: уступает сильным, с пренебрежением относится к слабым (I), прибегает к силе вместо диалога и слов (K), склонен приписывать себе не свои заслуги (L), потому и, как следствие, слова расходятся у него с делами (M), многое обещает, но ничего не делает (N), в связи с чем он неумелый и не способный политик (A).

Третий, между указанными двумя, представляется в двух следующих взаимосвязанных признаках: далек от жизни обычных людей, не знает их нужд и потребностей (O), а потому расточителен и не экономен в отношении государственных фондов (P).

Общую объединенную схему можно представить приблизительно следующим образом: $\{[(B > C < D) < (E < F > G)] \leftrightarrow (O > P) \leftrightarrow [(I > K < L) < (M > N)]\} > A$.

Центральными и осевыми, определяющими поэтому признаками, теми, к которым сходятся другие либо следуют из таковых, соотносимыми между собой, характеризующими Другого с позиции Я 'говорящего', исходя из полученной схемы, будут С (конфликтен и подозрителен, по отношению к не своим неприятен, пренебрежителен и предубежден), F (властен и самовлюблен) и К (прибегает к силе вместо диалога и слов), среди которых F получается в организующем и в себя вбирающем центре. Общей характеристикой по этому основанию будет Другой как 'конфликтный, подозрительно предубежденный, склонный к насилию, пренебрежительно относящийся к слабым самовлюбленный тиран'.

В интенциональном своем отношении схема может быть охарактеризована как поступательно наступательная и нивелирующая.

Полученные в результате аналитического просмотра всего материала дебатов выводы (проанализирована была только первая часть из трех) могли бы дать более полное представление о сложившихся характеристиках и отражаемых на этой основе образов Я и Другого для каждого из выступавших соперников. Однако, как можно было заключить исходя из предварительного со всем материалом ознакомления, это не слишком существенно повлияло бы на общее положение. Модели в своем составе и виде могли бы дополниться некоторыми деталями и уточнениями того, что уже оказалось выведенным и нашло свое отражение в представленных схемах и их семантическом насыщении.

В завершение видится важным еще раз указать на отмечаемый исследователями моделирующий и конструирующий, в конечном итоге, характер не только как такового политического языка, но и, как следствие, его проявления в предвыборных дебатах, целью которых является столкновение как двух конкурирующих лагерей, а с этим мировоззрений, идеологий, программ, политических целей, так и, в первую очередь и в основном,

двух активных и противоположно настроенных по отношению не только друг к другу политических деятелей.

Из этого их столкновения и на этой основе возможным становится также и то, что было предметом нашего аналитического подхода и определения, – выведение двух характеров и двух представлений для каждого. В отношении себя говорящего, выступающего как Я, и того, кто находится рядом и с этим напротив, т.е. Другого, изучаемого в последнее время как в языке политики в целом как соперник и конкурент, а также как враг, чужой, иной, отклоняющийся от нормы, нарушающий социальные правила либо амбивалентный, так и в психологических, культурологических и философских работах. Другого, как представителя, с одной стороны, того, что исходит от не своего, от иного, возможно при этом множественного и многообразного, так и, с другой стороны, того, кто фактически, определяя собой существующий мир, отображая собой представление о невидимом, неизвестном, а также возможном, своей позицией, точкой зрения, мыслями, отражаемыми в речи и говорении, прежде всего, может служить и служит не только углублению собственных представлений об окружающем и с этим его познанию и пониманию, но и определению и пониманию в том числе и себя самого.

В политике, в языке политики, точнее, в политике через ее язык, все это становится средством более полного, потому что разностороннего и объемного, отражения не столько существующей общественной действительности и ее положения в актуально данный момент, сколько имеющихся о ней представлений. Того, что есть, и того, что, лишь себя намечая, может как приписываемая ей желательность быть. В том числе, если не в первую очередь, через взаимно обратное, а также отталкивающееся и одновременно притягивающееся, *контрвзаимодействующее*, отображение все тех же не раз упомянутых в разных контекстах и поворотах Я и Другого.

Действующие в языке политики солидаризирующие и изолирующие стратегии, как определяет их Е.В. Кишина, активно используемые особенно в организуемых специально для этого предвыборных столкновениях и дебатах конкурирующих претендентов, политических партий, движений и групп, предполагая, как неизбежность в условиях проводимой борьбы, акцентуированное и конфронтационное изображение «других» как способ внедрения, в конечном итоге, желаемого образа передаваемой действительности и формирования определенных и необходимых стереотипов и представлений массового сознания³³, в том числе и через себя как говорящего

³³ Несколько переделанная, от слова *акцентуированное*, цитата из Е.В. Кишиной. Ср. также такое ее высказывание перед этим: „«Солидаризирующие» и «изолирующие» стратегии, базирующиеся на прагматической репрезентации компонентов «свое – чужое», используются в целях внедрения в массовое сознание требуемых образов и представлений”.

Я, – все это может быть и изучено, и определено, если подходить к этому не только последовательно, но и системно, для лучшего понимания самых разных явлений. Тех явлений, которые, будучи актуальны, дают увидеть и воспринять как самоё общественную действительность, так и различные ее интерпретации, заряжаемые интенциональными, мотивационными и целевыми характеристиками, самохарактеристиками, противоположностями и направленностями, служащими не только средствами типичной для языка политики манипуляции и компенсации³⁴, но и познанию как таковому.

«Понятие Другого» при этом (так же как сопоставимое с ним понятие Я, добавим мы от себя), являясь «необходимым инструментарием для изучения значимого для дискурса СМИ феномена «свой-чужой», поскольку оппозиция эта определяет многие и личностные, и социально-психологические, и культурные реалии»³⁵, не случайно, как актуальное в последнее время, может служить к тому наглядной и показательной иллюстрацией. в том числе и в языке политики и, тем самым, в дебатах. Особенно если учитывать при анализе негативного и позитивного как эксплицитную, так и имплицитную стороны, то, что говорится, и то, что при этом подразумевается, через контексты, подтексты и целостность, отражаемую не обязательно и не только в данный произносимый момент, но и на каком-то отрезке и протяжении в политическом времени. Как самим говорящим, так и его, соперничающим с ним, оппонентом.

(Е.В. Кишина: *Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов*. „Вестник КемГУ” 2011, № 4(48), с. 177).

³⁴ „Идеологическая мотивированность языкового употребления сферы «чужое» сводится к выражению компенсаторной функции, усиливающей консолидацию нации (образ «чужих» может быть рассмотрен как социальный конструкт, используемый для поддержания сплочённости «своих»)”. Там же.

³⁵ О.Ф. Автохутдинова: *«Другой» как персонаж в СМИ...*, с. 4.